
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
DARK COLT
18+
ИЗМЕНА
И кто из нас любовница?

Dark Colt

Измена. И кто из нас любовница?

https://litres.ru/74821819
SelfPub; 2026

Аннотация

Восемнадцать лет я была уверена, что знаю своего мужа. До похорон нашего друга

— А вы ведь первая жена Павла?

Я даже улыбаюсь:

— В смысле первая?

Парень бледнеет и переводит взгляд на моего мужа.

— Простите. Я думал, вы давно развелись. Он же с Алевтиной.

Я не знаю никакой Алевтины

А Алевтина, как выясняется, знает только не всё.

Если я — его жена, а она была уверена, что я бывшая

Так, кто же из нас на самом деле любовница?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	37
Глава 4	69
Глава 5	77
Глава 6	89
Глава 7	106
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Измена. И кто из нас любовница?

Глава 1

Первой женой меня назвали на похоронах.

Не бывшей. Не второй.

Первой.

Я ещё улыбнулась, потому что восемнадцать лет была совершенно уверена, что у моего мужа жена одна.

Я!

А потом человек напротив побледнел и сказал:

— Простите. Я думал, вы давно развелись.

Но это было позже…

Утром я гладила Павлу рубашку.

— Инн, мы опаздываем.

— Не опаздываем.

— До выезда двадцать минут.

— Значит, успеваем.

Павел посмотрел время на телефоне, потом на меня.

— Я просто предупредил.

— Спасибо.

— Кофе будешь?

— Буду.

— Тогда я хотя бы не мешаю.

— Вот это правильное решение.

Он усмехнулся и ушёл на кухню.

Я ещё раз прошлась утюгом по воротнику и выключила его. Чёрную рубашку достала сама. На похороны хотелось хотя бы выглядеть нормально, хотя сама мысль об этом казалась какой-то неправильной. Начала собирать гладильную доску и поймала себя на совершенно неуместной мысли, что нужно купить новый чехол. Этот опять съехал с одного края, резинка растянулась, и ткань собиралась складками.

Глупость.

Сегодня хоронили Гену, а я думала о чехле для гладильной доски. Наверное, голова просто искала, за что зацепиться.

Две недели назад мы сидели у Гены со Светой на кухне. Он ругался с Павлом из-за угля для мангала, Света нарезала хлеб, я разбирала помидоры, а дети таскали сыр со стола, хотя детьми их уже давно можно было называть только по привычке.

А потом Гены не стало.

Вот так просто.

Я до сих пор не могла уложить это в голове.

— Инн, часы не видела?

Павел появился в дверях уже в рубашке и протянул мне кружку.

— Спасибо. На тумбочке.

— Нет там.

Я отпила кофе.

— Есть.

— Я смотрел.

— Паш.

— Что?

— На тумбочке.

Он исчез в спальне и через несколько секунд вернулся.

— Нет.

Я вздохнула, поставила кружку и пошла сама. Часы лежали на тумбочке, на самом виду.

Я взяла их и молча протянула Павлу. Он посмотрел сначала на часы, потом на меня.

— Ты их только что положила.

— Конечно.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Несколько секунд он ещё пытался сохранить невозмутимое лицо, потом усмехнулся.

— Ладно. Один — ноль.

— Восемнадцать лет, Павел. Счёт давно неприличный.

— Просто я позволяю тебе выигрывать.

— Конечно, — фыркнула я и закатила глаза.

Он забрал часы, застегнул ремешок, а потом вдруг поймал меня за руку и притянул к себе.

— Иди сюда.

— Паш, рубашку помнёшь.

— Ты её уже погладила. Если что, исправишь.

— Очень удобно устроился.

— Восемнадцать лет тренировался.

Я хотела что-то ответить, но Павел уже поцеловал меня в висок, совсем привычно, мимоходом. Так, как целовал сотни раз до этого.

Я поправила ему воротник.

— Всё. Теперь не трогай.

— Есть, командир.

— Иди лучше кофе допей.

Улыбка у него исчезла так же быстро, как появилась.

— Свете вчера звонила?

— Вечером.

— Как она?

Я пожала плечами.

— Как она может быть, Паш?

Он опустил взгляд.

— Да.

Несколько секунд мы молчали.

Гена был его другом ещё до нашего знакомства. Иногда мне казалось, что Павел просто не до конца понимает, как теперь должно выглядеть его собственное завтра, если там больше не будет человека, которому он звонил по любой ерунде.

Я коснулась его руки.

— Поехали.

Он кивнул, но первым отпустил меня не сразу.

На кухне я допила уже остывающий кофе, пока Павел со-

бирал со стола ключи и телефоны.

— Цветы в машине, — сказал он.

— Хорошо.

— Воду взяла?

Я похлопала ладонью по сумке.

— Здесь.

— Тогда всё.

Он подал мне пальто. Я надела его, а Павел, уже собравшийся выходить, вдруг вернулся к столу и взял пачку бумажных платков.

— Свете, — пояснил он, заметив мой взгляд.

— Положи мне в сумку.

Он расстегнул её, сунул упаковку внутрь и заодно забрал у меня сумку.

— Я сама понесу.

— Знаю.

— Тогда отдай.

— В машине отдам.

Я посмотрела на него.

— Тебе обязательно со мной спорить с утра?

— Это не спор. Это семейная традиция.

Я невольно улыбнулась.

— Пошли уже.

Павел открыл дверь и пропустил меня вперёд.

Это было самое обычное утро.

Наверное, поэтому я и запомнила его так хорошо.

***

Гену хоронили в четверг.

К концу сентября неожиданно вернулась жара. На кладбище люди мучились в тёмных костюмах и куртках, женщины то снимали пальто, то снова набрасывали их на плечи. Казалось неправильным, что над нами такое чистое небо. В такую погоду надо было ехать за город, ругаться из-за того, кто забыл мясо, и слушать, как Гена доказывает, что никто, кроме него, не умеет жарить шашлык.

Света стояла между сыновьями и держалась за локоть старшего. Я смотрела на неё и никак не могла привыкнуть к тому, что теперь про неё можно сказать «вдова».

Не вязалось это слово со Светой.

Она должна была сейчас ворчать на Гену, поправлять ему воротник, спрашивать, зачем он опять накупил столько мяса. А не стоять возле его гроба и кивать людям, которые подходили один за другим.

Павел почти всё время был рядом с ней и сыновьями. Помогал с венками, кому-то звонил, договаривался насчёт машин, несколько раз отходил с мужчинами в сторону.

Я не мешала.

Ему было тяжело.

Они с Геной дружили ещё до нашего знакомства, и временами мне казалось, что Гена знает моего мужа дольше и лучше, чем я. Когда восемнадцать лет назад Павел впервые

привёл меня в их компанию, Гена потом целый вечер рассказывал, что спас друга от одинокой старости.

«Если бы я его тогда из дома не вытащил, он бы тебя вообще не встретил.»

«Я сам вышел», — возмущался Павел.

«Конечно. После семи звонков и угрозы приехать за тобой лично.»

Эту историю Гена повторял годами. На свадьбах, днях рождения, наших годовщинах.

На пятнадцать лет брака он поднял бокал и торжественно объявил:

«За единственную женщину, которая смогла сделать из Пашки приличного человека.»

Павел тогда спросил:

«А приличный человек — это тот, который тебя терпит?»

«Нет. Это тот, у которого хорошая жена.»

Все засмеялись, а я стукнула Гену своим бокалом. Сегодня эта история вспоминалась почему-то особенно ясно.

— Инн, вода есть?

Я повернулась, Света смотрела на меня.

— Есть.

Достала из сумки бутылку, открутила крышку и протянула ей. Она сделала несколько глотков.

— Оставь себе.

— Не надо, в машине есть.

— Свет…

— Инна, пожалуйста.

Я замолчала. Она вернула бутылку, а я только сжала её пальцы. Ничего говорить не стала. Что вообще можно сказать человеку, который утром проснулся в доме, где мужа больше никогда не будет?

После кладбища все поехали в кафе. Гена когда-то отмечал здесь пятидесятилетие, и Света сама выбрала это место для поминок. Народу оказалось больше, чем я ожидала. Столы сдвинули буквой «П», люди долго рассаживались, уступали места старшим, искали родственников, передавали друг другу тарелки. Многих я знала. Кого-то помнила по юбилеям и праздникам. Но хватало и совершенно незнакомых лиц.

Особенно со стороны отца Гены.

Там была какая-то старая семейная история, начавшаяся задолго до того, как мы с Павлом познакомились. Я никогда особенно в неё не лезла. Знала только, что много лет Гена почти не общался с частью отцовской родни, а потом с кем-то отношения понемногу восстановил. Света, насколько я понимала, близка с ними так и не стала. Поэтому я даже не пыталась разобраться, кто кому приходится.

Мы с Павлом сели рядом. Перед ним стояла полная тарел-

ка, к которой он не притрагивался.

— Хоть суп поешь.

— Не хочу.

— Ты с утра ничего не ел.

— Инн, не могу сейчас.

Я кивнула.

— Хорошо.

Но кусок хлеба ему всё равно положила. Павел посмотрел сначала на хлеб, потом на меня.

— Это что?

— Не знаю. Сам появился.

— Понятно.

Он отломил кусочек и всё-таки съел. Я ничего не сказала. Через несколько минут его позвал Светин старший сын, и Павел поднялся.

— Ты куда?

— Там с машиной что-то решить надо.

— Хорошо.

Он привычно положил ладонь мне на плечо.

— Я недолго.

Я кивнула и продолжила слушать женщину напротив, которая рассказывала, как познакомилась с Геной ещё на его первой работе.

Павел сегодня постоянно куда-то отходил, возвращался, снова кому-то был нужен. Впрочем, иначе и быть не могло. Света едва держалась, сыновья тоже, а Гена был для него по-

чти братом.

В какой-то момент я заметила, что молодой парень через стол несколько раз посмотрел в нашу сторону. Рядом с ним сидела темноволосая женщина лет тридцати с небольшим. Парень что-то у неё спросил, она коротко ответила, и они оба взглянули на меня.

Я автоматически посмотрела на себя, вдруг что-то с одеждой.

Вроде ничего.

— Инна, передай хлеб, пожалуйста.

Я повернулась к соседке, подала корзину, и разговор за столом потёк дальше. Сначала о Гене говорили тяжело. Люди подбирали слова, замолкали на середине фразы. Потом кто-то вспомнил, как он однажды зимой поехал ночью вытаскивать знакомого из кювета, а в итоге умудрился засадить рядом собственную машину.

Кто-то засмеялся. Следом ещё несколько человек. Света тоже улыбнулась, но почти сразу закрыла лицо ладонью.

Я почувствовала, как Павел рядом напрягся. Он уже вернулся и сидел, наклонившись вперёд, положив локти на колени.

Я коснулась его спины. Он накрыл мою руку своей, не поворачиваясь. Так мы просидели несколько секунд. Потом Света выпрямилась, убрала ладони от лица и сама сказала:

— Расскажите лучше, как они потом трактор искали.

За столом снова заговорили.

Через некоторое время Павла опять позвали. Я уже перестала следить кто и зачем. Позже, когда Светина сестра объясняла мне, какие вещи Гены ещё остались в сервисе и что теперь с ними делать, я увидела мужа у выхода из зала.

Он разговаривал с той темноволосой женщиной, которая сидела рядом с молодым парнем. Она что-то спросила. Павел наклонился к ней, чтобы расслышать, ответил и показал в сторону коридора. Женщина кивнула. К Павлу тут же подошёл мужчина с телефоном в руке, и я снова повернулась к Светиной сестре.

— Что ты говоришь?

— Я говорю, Светка сейчас вообще не понимает, за что хвататься. Там сервис, документы, страховка…

Мы начали обсуждать, что можно взять на себя в ближайшие дни. Минут через двадцать Свете стало плохо. Я заметила это не сразу. Она просто побледнела, потом закрыла глаза и сказала, что душно.

Мы вскочили почти одновременно. Её сестра и ещё одна женщина увели Свету в небольшую комнату рядом с залом. Я пошла следом, но меня остановили.

— Там врач есть. Не толпитесь пока.

— Точно?

— Да. Если что, позовём.

Я осталась в коридоре. В зале было жарко, поэтому подошла к приоткрытому окну. С улицы тянуло прохладой и пахло мокрой землёй от недавно политой клумбы.

Я стояла, глядя на парковку, когда за спиной услышала:

— Вы Инна, да?

Обернулась и увидела, что передо мной стоял тот самый парень, который несколько раз смотрел на меня за столом.

— Да.

— Я Кирилл, племянник дяди Гены.

Теперь стало понятно, откуда он.

— Соболезную.

— Спасибо.

Он немного помялся и встал у окна рядом, оставив между нами приличное расстояние.

— Вы со стороны его отца? — спросила я.

— Да. Моя мама ему двоюродная сестра.

— Тогда неудивительно, что мы раньше не встречались.

Кирилл усмехнулся.

— У нас там семейная Санта-Барбара ещё до моего рождения началась.

Я невольно улыбнулась.

— У кого её нет.

— Дядя Гена последние годы с мамой снова общался. Иногда приезжал к нам.

— Знаю. Он говорил, что с кем-то из родных помирился.

— Ну, помирился, это громко сказано. С дядей Геной вообще сложно было ругаться нормально. Он мог пять лет не звонить, потом приехать и спросить, чего все такие кислые.

Я рассмеялась. Очень тихо, но всё-таки рассмеялась.

— Это на него похоже.

— Мама сначала хотела его выгнать.

— Не выгнала?

— Накормила.

— Тем более похоже.

Кирилл улыбнулся.

На секунду стало почти легко, и тут же от этого сделалось неловко. Я посмотрела на закрытую дверь комнаты, где находилась Света.

Кирилл тоже посерьёзнел.

— Ей совсем плохо?

— Не знаю. Там врач.

Он кивнул, секунду помолчал, потом спросил:

— А дядя Паша как держится?

— Тяжело. Они с Геной столько лет дружили.

— Да. Дядя Гена про него постоянно рассказывал.

— Надеюсь, не всё.

Кирилл усмехнулся.

— Думаю, далеко не всё. Когда они вдвоём собирались, мама говорила, что им обоим снова по семнадцать.

— Мама у тебя наблюдательная женщина.

— Ага.

Из комнаты вышел высокий мужчина, которого я видела возле Светы ещё на кладбище. Он быстро прошёл мимо нас в зал, о чём-то переговорил со Светиным старшим сыном и почти сразу вернулся.

Я проводила его взглядом.

— Роман, — пояснил Кирилл, — двоюродный брат тёти Светы.

Я ещё раз посмотрела на мужчину.

— Так это Роман?

— Ага. Знаете его?

— Только по Светиным рассказам. Я думала, он за границей живёт.

— Живёт. Прилетел, как только узнал про дядю Гену.

Я кивнула. Света действительно иногда упоминала какого-то Ромку, но за все годы нашей дружбы мы ни разу не пересекались.

— Он сегодня всех построил, — сказал Кирилл.

— Кто-то должен.

Кирилл снова серьёзно кивнул.

В коридор вышли две женщины, и нам пришлось отойти от окна, чтобы их пропустить.

— Ладно, — сказала я. — Пойду посмотрю, может, помощь нужна.

Я уже сделала несколько шагов, когда Кирилл окликнул:

— Инна.

Я обернулась:

— Да?

Он смотрел на меня с лёгким сомнением, словно не мог решить, стоит ли спрашивать.

— Можно личный вопрос?

— После знакомства на похоронах меня уже трудно чем-то удивить.

Кирилл улыбнулся.

— Да ничего такого. Я просто…

Он снова замялся.

— Что?

— Вы ведь первая жена дяди Паши?

Несколько секунд я просто смотрела на него, пытаясь понять, что именно он спросил. Потом улыбнулась.

— В смысле первая?

И тут Кирилл изменился в лице. Улыбка исчезла. Он даже будто растерялся и посмотрел куда-то мне за плечо.

Я обернулась и увидела мужа, он стоял в дверях зала.

— Простите, — тихо произнёс Кирилл.

Я снова повернулась к нему.

— За что?

— Я думал, вы давно развелись.

Наверное, в любой другой день я бы рассмеялась. Решила, что парень что-то перепутал, и позвала бы Павла самому послушать, как неожиданно после восемнадцати лет брака он обзавёлся бывшей женой.

Я почти рассмеялась и сейчас.

— Мы?

— Да.

— С Павлом?

Кирилл не ответил, он уже смотрел мне за спину. Я снова

повернулась к мужу.

— Паш, ты слышал?

— Слышал.

— Кирилл почему-то думает, что мы развелись.

Я ждала, что он удивится, переспросит. Хотя бы усмехнётся и скажет, что парень кого-то с кем-то перепутал. Только Павел ничего этого не сделал.

Он посмотрел на Кирилла, и тот заметно побледнел. Мне впервые стало не смешно.

— Паш?

Только тогда муж перевёл взгляд на меня.

— Инна, не здесь.

Глава 2

— Что значит «не здесь»? — недоумевая, я на секунду обомлела.

Павел едва заметно качнул головой, и я вдруг разозлилась. Не испугалась ещё, не подумала ничего страшного, именно разозлилась. Потому что несколько секунд назад всё было просто нелепо. Малознакомый парень что-то перепутал, не так понял, услышал чужой разговор. Наверное…

Такое бывает!

Сейчас Павел должен был рассмеяться вместе со мной, объяснить Кириллу, что никакой бывшей жены у него нет, и мы бы забыли об этом ещё до того, как разъехались по домам.

Вместо этого он смотрел на Кирилла так, словно тот сказал лишнее.

— Паш, он считает, что мы развелись.

— Я слышал.

— И?

— И ничего. Потом разберёмся.

— В чём?

Он оглянулся на дверь комнаты, где была Света.

— Инна, пожалуйста. Не сейчас! — тихо процедил муж.

Я тоже посмотрела туда. Из-за двери не доносилось ничего, только по коридору прошла женщина с пустыми стакана-

ми, прижав поднос к груди, чтобы нас обойти.

— Хорошо, — сказала я тише. — Тогда просто скажи, что он ошибся.

Павел молчал.

Это молчание длилось всего несколько секунд, но мне хватило. И я вновь повернулась к Кириллу.

— Откуда вы вообще взяли, что мы разведены?

Он растерянно посмотрел на меня.

— Я думал…

— Это я уже поняла. Почему?

— Мне правда очень неудобно.

— Кирилл, мне тоже. Особенно потому, что я впервые слышу о собственном разводе.

— Инна, — предупреждающе произнёс Павел.

— Что? Я не кричу. Я хочу понять, откуда у человека вообще появилась такая информация.

Кирилл сунул руки в карманы и посмотрел на Пашу. И мне опять не понравился этот взгляд.

— Не смотри на него, — попросила я. — Он почему-то тоже не хочет мне отвечать. Скажи ты.

— Я не знаю, что сказать.

— Правду.

— Инна, хватит.

Павел подошёл ближе и взял меня за локоть. Не больно, но я сразу высвободила руку.

— Не трогай меня.

Он убрал ладонь.

— Я пытаюсь сделать так, чтобы мы не устраивали разборки на похоронах Гены.

— Какие разборки? Я задала один вопрос.

— Уже не один.

— Потому что никто не отвечает.

Кирилл выдохнул и тихо сказал:

— Я дядю Пашу несколько раз видел.

Я повернулась к нему.

— Где?

Он снова замялся.

— У нас.

— У вас, это где?

— В Новосельске.

Название города мне было знакомо. Час с небольшим от нас, если без пробок. Павел бывал там по работе: у их компании были партнёры в области. Гена несколько раз ездил туда к родственникам. Кажется, именно там жила та самая часть семьи, с которой он в последние годы снова начал общаться.

Ничего странного.

По крайней мере, пока.

— И что? — спросила я.

— Ничего. Просто видел.

— Поэтому решил, что мы развелись?

Кирилл опустил глаза.

Нет. Не поэтому. Я почему-то это уже чувствовала нут-

ром. Только было открыла рот, как Павел перебил:

— Всё. Кирилл, иди в зал.

— Дядь Паш…

— Иди.

Тот посмотрел на меня и снова промямлил:

— Простите.

— Да перестань ты извиняться. Лучше объясни, что происходит.

— Я правда не хотел…

— Чего?

Кирилл замолчал. Павел выругался едва слышно. И именно в этот момент дверь комнаты открылась.

Первым вышел тот высокий мужчина, которого Кирилл назвал Романом. Он прикрыл дверь за собой, окинул взглядом нас троих и задержался на Павле.

— Света тебя зовёт.

Павел сразу повернулся к нему.

— Что с ней?

— Уже лучше. Но тебя спрашивает.

— Сейчас зайду.

Роман кивнул, однако не ушёл. Посмотрел сначала на Кирилла, потом на меня.

— И ещё просьба. Если у вас тут что-то семейное, отложите хотя бы до вечера.

Мне понадобилась секунда, чтобы понять, что обращается он именно к нам.

— Мы не мешаем Свете.

— Вас слышно.

— Мы разговариваем.

— Я вижу.

Тон у него был спокойный, без грубости, но от этого стало только неприятнее.

— Тогда в чём проблема?

Роман устало провёл ладонью по лицу.

— В том, что за этой дверью женщина, которая сегодня похоронила мужа.

Я почувствовала, как вспыхнули щёки.

— Я прекрасно знаю, кого сегодня похоронили.

— Тогда договоримся, что всё остальное можно решить чуть позже.

— Роман, — вмешался Павел.

— Что?

— Не надо.

— Я и не собирался. Света тебя ждёт.

Он уже повернулся к двери, когда я не выдержала:

— Вы всегда вмешиваетесь в чужие разговоры?

Роман посмотрел на меня.

— Только когда они происходят в двух метрах от Светы.

— Я не собираюсь устраивать сцену.

— Отлично. Значит, мы друг друга поняли.

Вот теперь он мне окончательно не понравился.

— Я вообще-то не просила меня воспитывать.

— Я вас не воспитываю.

— А что вы делаете?

Он на секунду прикрыл глаза, словно у него не осталось сил ещё и на меня.

— Пытаюсь провести Свету через сегодняшний день. Всё.

И ушёл в комнату.

Я смотрела ему вслед, чувствуя одновременно раздражение и стыд. Раздражение было проще, поэтому я держалась за него.

Павел тихо произнёс:

— Он прав.

Я повернулась к нему.

— Даже не начинай.

— Я ничего не начинаю.

— Тогда иди к Свете.

— Инна…

— Иди. Я никуда не денусь.

Он посмотрел на меня так, будто хотел убедиться, что я действительно не собираюсь продолжать разговор с Кириллом.

Это разозлило ещё сильнее.

— Что?

— Ничего.

— Ты теперь будешь следить, чтобы я не узнала чего-нибудь без твоего разрешения?

Кирилл тихо произнёс:

— Я, наверное, пойду.

— Иди, — сказал Павел.

На этот раз я не остановила его.

Кирилл скрылся в зале. Павел задержался ещё на секунду, потом ушёл к Свете.

Я осталась одна.

Хотя, конечно, никакой одна я не была. Люди проходили по коридору, открывали двери, кто-то искал туалет, кто-то говорил по телефону у окна. Из зала тянуло запахом еды и кофе.

Я вернулась к окну и открыла его шире.

Новосельск.

Зачем я вообще думаю о Новосельске?

Павел ездил туда. Я это знала. Не каждую неделю и даже не каждый месяц. По крайней мере, мне так казалось. Иногда по работе. Иногда они с Геной действительно выбирались куда-то на рыбалку в ту сторону. Один раз Павел привёз оттуда копчёную рыбу, и я ещё ругалась, потому что холодильник потом пах ею два дня.

Обычный город.

Обычные поездки.

Но Кирилл видел его там и почему-то был уверен, что мы разведены.

Я пыталась найти объяснение, которое не заставляло бы меня чувствовать себя дурой.

Может, Павел когда-то в компании пошутил про развод.

Может, Гена что-то сказал.

Может, Кирилл услышал половину разговора и сам достроил остальное.

Может, вообще перепутал меня с кем-то.

Последнее уже не работало.

Он знал, кто я.

Я вспомнила темноволосую женщину за столом. Кирилл сидел рядом с ней, что-то спрашивал, они оба посмотрели в нашу сторону.

Нет.

Это тоже ничего не значило. Я заставила себя прекратить. У меня пока не было ни одного факта, кроме чужой уверенности в том, что мой брак закончился.

Через несколько минут Павел вышел.

— Свете лучше.

— Хорошо.

— Инн…

— Я ничего не выясняю.

— Я вижу.

— Вот и отлично.

Он постоял рядом.

— Давай сегодня доедем домой и спокойно поговорим.

Я повернулась к нему.

— О чём?

Павел устало потёр переносицу.

— Обо всём.

— Каком «всём»?

— Господи, Инна.

— Нет, подожди. Утром у нас не было никакого «обо всём». А сейчас есть. Я хочу хотя бы понимать, что именно ты собираешься мне объяснять дома.

— Здесь не место.

— Я уже услышала.

Он посмотрел на дверь в зал. Я тоже, и заставила себя замолчать. Не потому, что Павел попросил.

Из-за Светы.

Сегодня право разваливаться на части действительно было у неё.

Моё странное, непонятное «обо всём» могло подождать несколько часов.

— Хорошо, — сказала я. — До дома.

Павел явно расслабился. И именно это мне не понравилось больше всего. Будто он только что получил отсрочку.

Мы вернулись в зал.

Моё место рядом с ним уже заняла пожилая женщина, и я не стала просить её пересесть. Устроилась ближе к Свете, помогла передать тарелки, потом долго слушала, как люди вспоминают Гену. Я старалась действительно слушать. Гена заслуживал хотя бы этого. Но время от времени взгляд сам находил Павла. Он разговаривал со Светиным сыном, потом вышел кому-то позвонить, вернулся, переставил стул пожилой женщине.

Всё тот же человек.

Мой муж.

Я знала эту походку, эти руки. Знала, что он терпеть не может заломы на рукавах и никогда не доедает укроп в супе. Знала, что после тяжёлого дня он сначала десять минут молчит, а потом начинает рассказывать всё сразу. Знала, как он спит, как злится, как смеётся, как болеет при простуде.

И не знала, почему в Новосельске меня считают его бывшей женой.

Эта мысль возвращалась, сколько бы я её ни отталкивала.

В какой-то момент я подняла глаза и увидела у противоположного края стола ту темноволосую женщину. Она разговаривала с пожилой парой, потом обняла женщину и отошла. Ничего необычного, родственница, наверное. С трудом отмахнулась от дурных мыслей и снова повернулась к Свете.

Ближе к вечеру люди начали расходиться. Света держалась уже из последних сил. Я помогла ей надеть пальто, поправила шарф.

— Завтра позвоню.

— Хорошо.

— Если не захочешь разговаривать, не бери трубку.

— Возьму.

Она обняла меня.

— Спасибо, что была.

У меня сжалось горло.

— Господи, Свет. За что ты меня благодаришь?

— За то, что была.

Я крепче прижала её к себе и ничего не ответила. Роман стоял рядом с её сумкой. Когда я отстранилась, он протянул Свете перчатки, потом посмотрел на меня.

— Доберётесь?

— Да.

— Хорошо.

Так спокойно говорит, будто мы не цапались пару часов назад. Меня это почему-то снова начало раздражать.

Павел помог Свете дойти до машины. Я подождала возле нашей. Когда он вернулся, протянул руку:

— Ключи давай.

— Я поведу.

— Инна.

— Я сказала, что сама поведу.

Он посмотрел на меня, но спорить не стал.

В машине я завела двигатель и положила руки на руль, но не поехала сразу.

Павел пристегнулся, и посмотрел на меня.

— Ну?

— Что?

— Мы дома хотели поговорить.

— Мы ещё не дома.

— Именно.

Я резко повернулась к нему.

— Один вопрос.

Он тяжело вздохнул.

— Инна…

— Один. И потом я поеду.

Павел молчал.

— Почему Кирилл считает, что мы развелись?

— Я не знаю, что ему там наговорили.

Я смотрела на него, он на меня. Павел не сразу понял, когда я вдруг задала вопрос. Наверное, я и сама не поняла, как спросила, лишь услышала себя, будто со стороны:

— Кто?

— Что? — часто заморгал он недоумевая.

— Кто ему наговорил?

Он отвёл глаза.

— Я неудачно выразился.

— Нет. Ты сказал «что ему наговорили». Не «что он придумал». Не «что он неправильно понял».

— Инна, я понятия не имею, откуда Кирилл это взял.

— Тогда почему ты с самого начала ведёшь себя так, будто прекрасно понимаешь, о чём он говорит?

Павел потёр ладонями лицо.

— Потому что понимаю, к чему всё это сейчас приведёт.

Мне стало холодно, хотя в машине было душно.

— К чему?

— Давай дома.

— Паша, у тебя кто-то есть?

Он замер, не вздрогнул, не отвернулся, просто перестал

двигаться. И этого мгновения мне хватило, чтобы испугаться собственного вопроса.

Я тут же захотела забрать его обратно. Сказать, что это бред. Что я спросила от злости. Что Кирилл идиот, Павел идиот, я тоже сегодня не в себе, потому что мы похоронили друга.

Павел мог всё это закончить, всего лишь одним словом…

Нет.

Только он просто молчал. А я ждала.

Он посмотрел через лобовое стекло.

— Инна…

— Нет или да?

— Всё не так просто.

Я почувствовала тошноту и опустила стекло. С улицы ворвался холодный воздух.

— Господи.

— Инн…

— Не трогай меня.

Он и не трогал. Я закрыла глаза и несколько раз вдохнула.

«Всё не так просто».

Ненавижу эту фразу.

Её говорят, когда простого ответа не существует или когда простой ответ слишком страшный, чтобы произнести его вслух.

— Ты с кем-то спишь?

— Давай не здесь.

Я рассмеялась. На этот раз без всякого веселья.

— Ты издеваешься?

— Нет.

— Мы уже не на похоронах. Светы здесь нет. Романа тоже, слава богу. Кому теперь мешает мой вопрос?

Павел провёл ладонью по волосам.

— Я не хотел, чтобы ты узнала вот так.

Я перестала дышать.

Не образно.

На несколько секунд действительно забыла вдохнуть.

— Узнала что?

Он молчал.

— Павел.

— У меня были отношения.

Слово «были» я услышала раньше всего остального. И сразу вцепилась в него.

— Были?

— Да.

— С кем?

Он отвернулся, а я смотрела на его профиль и вдруг вспомнила темноволосую женщину возле выхода.

Нет.

С чего я вообще…

— Кто она? — вырвался вопрос, прежде чем успела подумать.

Павел долго молчал, но потом произнёс:

— Алевтина.

Имя было совершенно чужим. Оно ничего мне не сказало. И почему-то именно это оказалось страшнее.

— Я её знаю?

— Нет.

— Она знает меня?

Павел не ответил. Я повернулась к нему всем корпусом.

— Паша. Она знает, что ты женат?

Он снова замолчал, отводя взгляд в сторону, после чего тихо произнёс:

— Да.

Я несколько секунд просто смотрела на него.

— Тогда почему Кирилл считает, что мы разведены?

Павел закрыл глаза. И впервые за весь этот день я увидела на его лице не раздражение.

Страх?!

— Что ты ей рассказал про меня?

Он открыл глаза.

— Инна, поехали домой.

— Что ты ей рассказал?

— Я всё объясню.

— Сейчас.

— Не здесь.

Я смотрела на него и никак не могла понять одного: почему именно этот вопрос оказался для него страшнее всех предыдущих.

Глава 3

Домой мы доехали почти молча.

Павел дважды начинал что-то говорить. Первый раз у светофора, когда загорелся красный и машина остановилась. Я даже почувствовала, как он повернул ко мне голову.

— Инн...

Я прибавила громкость радио. Не потому, что хотела слушать музыку. Я вообще не слышала, что там играло.

Второй раз он попробовал уже во дворе.

— Давай я...

— Не сейчас.

Больше он не пытался.

Мне нужно было сначала доехать.

Следить за дорогой. Пропустить женщину с коляской. Не забыть повернуть после магазина. Вписаться между двумя машинами у нашего подъезда, хотя сосед опять припарковался так, будто купил половину двора.

Простые вещи получались лучше мыслей.

Руки лежали на руле. Нога нажимала педали. Поворотник щёлкал.

Я всё ещё была собой.

Женщиной, которая умеет водить машину, знает дорогу домой и помнит, что в холодильнике почти закончилось молоко.

Стоило дать себе несколько свободных секунд, как внутри всплывало одно имя.

Алевтина.

Пока без лица. Просто чужое женское имя рядом с моим мужем.

«У меня были отношения»…

Были.

Я зацепилась за это слово ещё там.

Наверное, потому что человеку вообще свойственно хвататься за самое безболезненное объяснение, когда всё остальное слишком страшное.

Были — значит, закончились.

Когда-то.

Ошибка. Глупость. Командировка. Кризис среднего возраста. Пьяная ночь. Месяц. Два.

Что угодно, чему можно поставить дату окончания.

И его пауза, когда я спросила, что он рассказывал ей обо мне.

Я заглушила машину. Двигатель затих. Павел потянулся к ручке двери.

— Инн...

— Дома.

Он смотрел на меня несколько секунд, потом устало кивнул. Будто это он устал. Почему-то именно эта мысль едва не заставила меня рассмеяться. Но я не рассмеялась.

Мы поднялись домой.

В квартире нас встретила Полина. Она сидела в прихожей на пуфе, согнувшись над кроссовками, и затягивала шнурки.

— Наконец-то. Я уже думала, вы там решили поселиться.

Я посмотрела на дочь и вдруг почувствовала такую острую нежность, что на секунду стало больнее, чем от всего услышанного сегодня.

Наша дочь.

Наша квартира.

Её куртка на крючке. Павловы ключи в вазочке. Мои туфли у стены.

Восемнадцать лет жизни не выглядели разрушенными.

Вот что оказалось самым странным.

Ничего вокруг не изменилось.

— Ты куда? — спросила я.

— К Лизе. Я писала.

Я достала телефон. Сообщение действительно было. Больше часа назад.

— В половине десятого дома.

Полина подняла голову.

— Почему в половине? Мы до десяти собирались.

— Потому что я сказала.

Она замерла со шнурком между пальцами. Павел тоже замер. И я услышала себя со стороны.

Полина не была виновата.

Вообще ни в чём.

— Прости, — выдохнула я. — До десяти. Только напиши,

когда пойдёшь обратно.

Она медленно выпрямилась. Посмотрела сначала на меня, потом на отца.

— У вас что-то случилось?

— Нет, — слишком быстро сказал Павел.

Я повернула голову. Он уже снимал куртку.

— Пап, я вообще-то маму спросила.

Павел отвернулся к шкафу.

— День тяжёлый, — сказала я. — Иди к Лизе.

Полина не двинулась.

— Точно всё нормально?

Обычный вопрос. Я столько раз отвечала на него автоматически.

Конечно.

Всё нормально.

Не переживай.

Но сегодня язык не повернулся.

— Мы с папой поговорим. Не переживай пока.

— Очень успокаивает это «пока».

— Поль.

— Всё, ухожу.

Она сунула телефон в карман, открыла дверь и уже шагнула на площадку, когда вдруг вернулась. Просто подошла и обняла меня. Без вопроса. Без причины.

Я обхватила её обеими руками. Сильнее, чем обычно. Так сильно, что Полина тихо фыркнула мне в плечо:

— Мам, я на два часа.

— Знаю.

— Тогда отпусти.

А мне вдруг не хотелось. Потому что она была чем-то абсолютно настоящим в моей жизни. Единственным, в чём прямо сейчас мне не требовалось сомневаться. Я всё-таки разжала руки и сказала:

— Иди.

— Я напишу, — бросила дочь на ходу.

Дверь закрылась, щёлкнул замок. И квартира стала непривычно тихой.

***

Павел поставил ботинки на полку. Один лёг немного криво, и он машинально поправил его носком к стене.

Я смотрела на его руки.

Господи.

Я знала эти руки восемнадцать лет.

Знала бессмысленное количество вещей об этом человеке.

Как он складывает рубашки. Как режет хлеб — всегда от себя, хотя я сто раз говорила, что так неудобно. Как трет переносицу, когда устал. Как ищет очки, когда они у него на голове. Как ворчит, если я оставляю чашку возле компьютера. Как зимой спит, высунув одну ногу из-под одеяла, потому что ему жарко.

Знала, что он не любит кинзу. Что боится стоматологов, хотя никогда в этом не признается. Что после двух бокалов коньяка начинает рассказывать одни и те же истории. Что по воскресеньям первым просыпается, идёт на кухню и гремит там чашками, считая, что делает это тихо.

Я знала его давление.

Размер рубашки.

Пароль от домашнего ноутбука.

Какой суп он любит.

Как он пахнет после душа.

И не знала женщину, с которой спит мой муж.

— На кухню, — сказала я раздражаясь на саму себя в эту минуту.

Павел пошёл следом.

Я включила чайник, достала чашку, потянулась за второй и остановилась. Пальцы уже лежали на ручке его любимой, тёмно-синей. Я сама покупала её несколько лет назад. Он тогда разбил старую и три дня пил кофе из какой-то маленькой Полининой кружки с котом.

Я отпустила ручку.

— Будешь?

Вопрос вылетел автоматически, как будто ничего не произошло. Как будто сейчас мы выпьем чай, он спросит, что приготовить завтра на ужин, я скажу, что в морозилке есть курица.

— Нет.

Голос у него был усталым.

Я убрала чашку обратно.

Павел сел за стол и положил телефон экраном вниз. Я задержала на нём взгляд. Обычно его телефон валялся где придётся. Возле тарелки. На диване. На подоконнике. Иногда Полина уносила его в комнату, чтобы включить музыку, и Павел даже не замечал.

Сегодня экраном вниз.

Может быть, он и раньше так делал?

Не дома.

Где-нибудь ещё.

Рядом с ней.

От этой мысли к горлу подступила тошнота.

Я села напротив.

— В машине ты сказал, что отношения были.

Он напрягся, совсем немного. Если бы я не знала его столько лет, не заметила бы.

— Да.

— Они закончились?

Павел посмотрел на меня, потом на чайник, всего секунда. Может быть, две. Но мне уже не требовался ответ.

— Инна...

Вот оно.

Что-то внутри меня провалилось. Не разбилось. Именно провалилось, будто под ногами внезапно не оказалось ступеньки.

— Не закончились, — произнёс он наконец. — Нет.

Я смотрела на него и будто уже не слышала. Он что-то ещё говорил? Кажется, нет.

За окном проехала машина. По потолку скользнул свет фар и исчез. Холодильник тихо загудел. На столе возле сахарницы осталось круглое пятно от утренней чашки.

Моей?

Его?

Я не помнила. Провела по нему пальцем.

Пыталась абстрагироваться, и не получалось.

Значит, сейчас.

Не когда-то.

Не ошибка из прошлого, которую Кирилл случайно выкопал на похоронах.

Сейчас.

Сегодня утром Павел проснулся рядом со мной. Вчера ел мой ужин. Позавчера спрашивал, оплатили ли мы интернет. На прошлой неделе мы выбирали подарок Полине. Месяц назад он ругался, что я опять купила слишком много помидоров и половина испортится.

А где во всём этом была она?

Между чем и чем?

Между нашим завтраком и его работой?

Между «я задержусь» и «спокойной ночи»?

Между моей жизнью и моей же жизнью?

Я вдруг поняла, что не знаю, сколько времени сижу молча.

Павел не шевелился, будто ждал.

Наверное, крика.

Или слёз?!

Вопроса «как ты мог?».

Я сама ждала чего-нибудь от себя. Ничего не пришло, только холод.

— Ты сейчас с ней в отношениях?

Он сглотнул.

— Да.

Вот теперь заболело.

По-настоящему.

Не где-то отвлечённо «в душе». Под рёбрами сдавило так, будто я слишком долго не дышала. Я медленно втянула воздух через нос.

Раз.

Ещё.

Не помогло.

— Как давно?

И вот тут он закрылся. Не отвернулся. Не спрятал глаза. Просто лицо стало другим, каким-то осторожным. Я знала и это лицо. Так Павел разговаривал с людьми, которым не хотел говорить лишнего. Только раньше я никогда не была одним из этих людей.

— Инн, сейчас срок ничего не изменит.

— Я не спрашивала, изменит или нет.

— Не один день.

Я посмотрела на него.

— Очень содержательно.

— Я тебе всё расскажу.

— Когда?

— Сейчас. Просто не надо пытаться за десять минут разобрать всё сразу.

И тут меня впервые по-настоящему качнуло.

Не физически.

Внутри.

Будто он каким-то образом всё ещё решал, как именно мне разрешено узнавать о собственной жизни.

Сегодня вот это. Завтра другое.

Срок — потом.

Подробности — когда я буду готова.

Когда он решит, что я готова!

— Не надо.

Я подняла ладонь, и он замолчал. Неожиданно для самой себя я поняла, что действительно не надо.

Не сейчас.

Потому что, если он скажет «год», я начну вспоминать этот год.

Наш Новый год!

Полинин день рождения.

Лето.

Его командировки.

Нашу годовщину.

Если скажет «два», придётся открыть ещё один ящик памяти. И каждое воспоминание перестанет принадлежать только мне. В каждом появится она. А я пока не могла пустить эту женщину ещё и туда.

— Хорошо, — сказала я. — О сроках потом.

Павел явно не ожидал.

— Алевтина из Новосельска?

— Да.

Новосельск.

Обычный город в часе с небольшим езды. Павел бывал там по работе. Иногда возвращался поздно. Иногда оставался ночевать, если дела затягивались.

Я никогда не проверяла.

Никогда.

«Доехал?»

«Да».

«Спокойной ночи».

«Спокойной».

Сколько таких сообщений я ему отправила?

Я резко отодвинула эту мысль.

Нет.

Не сейчас.

— Она была сегодня на похоронах?

Павел замер.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что Кирилл её знает. И потому что там было

полно людей со стороны Гениных родственников, которых я впервые видела.

Он потёр шею.

— Была.

Мне вдруг стало душно.

— Где?

— В зале.

Лица всплыли сами. Пожилая женщина возле Светы. Две девушки у окна. Мужчина в сером костюме.

Кирилл.

И рядом с ним...

Я перестала дышать.

Женщина.

Тёмные волосы.

Она ещё потом стояла возле выхода. С Павлом. Я видела их.

Господи.

Я видела их.

Прошла мимо. Может быть, посмотрела ей прямо в лицо. Может быть, она посмотрела на меня.

Зная.

А я не знала ничего.

— Это она сидела с Кириллом?

Павел промолчал.

Мне стало холодно.

— Темноволосая?

— Да.

Я встала.

Сидеть больше не могла.

Подошла к окну.

Во дворе мальчик тащил самокат по бордюру. Возле соседнего подъезда женщина вытряхивала коврик. Кто-то тащил пакеты из магазина.

Обычный вечер.

А где-то совсем недавно закончились похороны человека, после которых мой муж оказался мне почти незнакомым.

— Ты знал, что она приедет?

— Нет.

Слишком быстро прозвучал ответ, и я обернулась.

— Правда?

Он выдержал мой взгляд.

— Правда. Я не знал, что она решит приехать.

Я поверила.

Наверное.

Удивительно, но ещё могла отличить его ложь от правды.

И тут же подумала: а могу-ли?

— И что ты сделал, когда увидел её?

Павел провёл ладонью по лицу и на несколько секунд прикрыл глаза. Я знала этот жест. Видела его сотни раз: после тяжёлого рабочего дня, после неприятного разговора, когда он не хотел продолжать спор или просто пытался собраться с мыслями.

Раньше я никогда не задумывалась, что именно он означает. А сегодня замечала всё.

— А что я мог сделать, Инна?

— Не знаю. Поэтому и спрашиваю.

Он опустил руку и посмотрел на меня.

— Я не мог запретить ей прийти на похороны.

— Почему?

— Она знает Гену через его родню. Очень дальняя родственница по отцовской линии. Там вообще седьмая вода на киселе. Они не были близки.

Это совпадало с тем, что я знала о Гениной семье. Ещё вчера такое совпадение меня бы успокоило. Я бы мысленно поставила галочку: хорошо, хотя бы здесь всё понятно. Но сегодня даже правда казалась подозрительной, потому что я больше не понимала, где она заканчивается.

— Гена её знал?

— Да.

— И про вас знал?

Павел посмотрел на меня. Всего лишь посмотрел. Но прежде, чем ответить, выдержал ту самую крошечную паузу, которую я уже начинала ненавидеть. Раньше я не замечала её вообще. Теперь мне казалось, что внутри моего мужа кто-то торопливо перебирает варианты ответа, решая, какой из них можно отдать мне сейчас.

— Знал, что мы общаемся.

Я чуть прикрыла глаза.

— Общаетесь.

— Инна…

— Что?

Он выдохнул и потёр большим пальцем край стола.

— Не надо.

— Чего именно не надо?

Павел не ответил.

Я подождала несколько секунд и кивнула:

— Ладно.

Спорить о времени глагола мне действительно не хотелось. До Гены мы ещё дойдём. Теперь я это знала наверняка. Но пока мне вполне хватало собственного мужа.

Я вернулась к столу и села напротив.

— Она знает обо мне?

— Да.

На этот раз ответ последовал сразу.

— Что именно?

Вот теперь пальцы Павла сцепились в замок.

Ещё один знакомый жест. Столько лет я считала, что он так делает, когда нервничает. Может быть, так и было. Только раньше мне не приходило в голову спрашивать себя, почему именно он нервничает.

— Что мы официально ещё женаты.

Я сначала услышала только последнее слово.

Женаты.

А потом до меня дошло всё предложение целиком.

— Официально? — переспросила я.

Павел едва заметно напрягся.

— Инна, не цепляйся к словам.

Что-то горячее поднялось от груди к горлу, но голос почему-то остался совершенно спокойным.

— Я не цепляюсь. Я слушаю тебя. Очень внимательно. Ты сказал: «официально ещё женаты». Что значит «официально» и что значит «ещё»?

— Ничего это не значит.

— Тогда зачем ты так сказал?

— Потому что… — он запнулся, раздражённо выдохнул. — Потому что я никогда не говорил ей, что мы официально разведены.

Я несколько секунд просто смотрела на него.

— Я этого и не спрашивала.

Он отвёл глаза.

И вот это напугало меня сильнее, чем прямое «да».

За восемнадцать лет я научилась замечать, когда Павел злится, когда устал, когда хочет побыть один. Знала, как меняется его лицо перед плохими новостями и как он трёт переносицу, если болит голова. Мне казалось, я умею читать собственного мужа без слов.

Оказалось, я знала только тот язык, на котором он разговаривал со мной.

— Я говорил ей, что у нас бывают проблемы, — произнёс он после паузы. — Что сейчас сложный период. Что мы ссо-

римся, отдаляемся.

Я смотрела на него и не узнавала собственную жизнь.

— Сложный период?

— Инна, у всех бывают…

— Нет, подожди. Какой сложный период?

Павел нахмурился.

А я действительно пыталась вспомнить.

Да, мы ссорились. Из-за денег. Из-за Полины. Из-за его работы. Из-за моей матери. Из-за того, кто опять забыл купить корм, и почему пустая коробка из-под молока снова стоит в холодильнике.

Иногда мы могли два дня разговаривать только по необходимости, а потом вечером лечь рядом и хохотать над какой-нибудь ерундой так, что Полина стучала в стену и требовала дать ей поспать.

Мы уставали друг от друга, раздражались, мирились, занимались любовью. В воскресенье ехали за продуктами. Решали, куда отправиться летом. Спорили, менять ли машину. Иногда молчали за ужином просто потому, что обоим нечего было сказать.

Одним словом, жили.

Я всегда думала, что именно так и выглядит брак после восемнадцати лет.

Не бесконечный праздник. Не вечный медовый месяц. А жизнь, в которой двое иногда бесят друг друга, иногда не могут друг без друга, а чаще просто знают, что вот мой че-

ловек, и он здесь.

И вдруг оказалось, что где-то всё это время существовала другая версия нашей жизни.

Та, которую мой муж рассказывал другой женщине.

В ней у нас был «сложный период».

В ней мы «отдалялись».

И, судя по тому, что услышал Кирилл, в этой версии наше «мы» уже почти перестало существовать.

Только меня почему-то забыли об этом предупредить.

— И всё? — спросила я.

Павел выдержал мой взгляд.

— Всё.

На этот раз я не стала ловить его на интонации или паузе. Просто почувствовала, что это неправда.

Не обязательно каждое произнесённое им слово. Может быть, он действительно рассказывал Алевтине о наших ссорах. Может быть, действительно ни разу прямо не произнёс: «Мы разведены».

Но чего-то здесь не хватало.

И он это знал.

— Кирилл после этого почему-то уверен, что я твоя бывшая жена.

— Кирилл всё неправильно понял.

— Возможно.

Павел насторожился.

Наверное, ждал, что я снова начну спорить. Но мне вдруг

стало тяжело. Не физически даже, просто я устала вытаскивать из него каждое следующее предложение клещами.

Чайник за моей спиной щёлкнул, и этот обыкновенный домашний звук показался почти нелепым. Я встала, достала чашку, бросила пакетик и залила кипятком. Руки двигались совершенно нормально.

Вот что было удивительно.

Восемнадцать лет брака разваливались прямо у меня на кухне, а я всё ещё знала, где лежат чайные пакетики, сколько наливать воды и на какую сторону столешницы поставить ложку.

Я вернулась к столу, поднесла чашку ко рту и поняла, что не могу сделать глоток. Горло будто закрылось.

Пришлось поставить чай обратно.

— Что? — сразу спросил Павел.

— Ничего.

— Инна.

Я подняла на него глаза. Он смотрел растерянно. И это почему-то разозлило меня сильнее, чем если бы он продолжал оправдываться.

— Просто думаю.

— О чём?

— О том, что ты весь вечер признаёшь ровно столько, сколько уже невозможно отрицать.

Лицо Павла изменилось. Совсем немного, но я заметила.

— Это несправедливо.

Я едва не рассмеялась.

— Несправедливо?

— Да. Я тебе сейчас не вру.

— Я не знаю, Паша.

— Что значит «не знаешь»?

— Именно это и значит. Я больше не знаю, когда ты говоришь мне правду.

Он раздражённо откинулся на спинку стула.

— И как мне тогда вообще с тобой разговаривать?

Несколько секунд я смотрела на него, пытаясь понять, действительно ли он сейчас спрашивает это у меня.

— Паша, я сегодня пришла на похороны твоего друга. Просто на похороны. А там совершенно незнакомый мужчина сообщил мне, что у моего мужа есть другая женщина. Потом от самого мужа я узнала, что эта женщина существует не когда-то в прошлом, а сейчас. Потом выяснилось, что сегодня она стояла со мной в одном помещении и, возможно, смотрела мне в лицо, прекрасно зная, кто я. А теперь оказывается, что она ещё и знает какую-то версию моего брака, о существовании которой я сама слышу впервые.

Павел открыл рот, но я подняла ладонь. Не резко. Просто не позволила перебить.

— Поэтому я действительно не знаю, как тебе сейчас со мной разговаривать. Попробуй для начала говорить правду.

— Я её и говорю.

— Всю?

И всё.

Один вопрос.

Я больше ничего не сказала.

Павел тоже молчал.

Несколько секунд назад он так уверенно доказывал, что не врёт, а теперь вдруг не нашёл мгновенного ответа.

И мне, почему-то этого хватило. Я лишь кивнула:

— Понятно.

— Что тебе понятно?

— Что на вопрос «всю?» ты почему-то не ответил.

— Потому что это допрос какой-то!

В его голосе впервые появилась настоящая злость, и неожиданно мне стало легче.

Совсем немного.

Наверное, потому что до этого нервничала только я, а теперь почва наконец начала уходить из-под ног и у него.

— Я тебя не допрашиваю.

— Правда? А что ты тогда делаешь?

— Слушаю.

— Нет, ты цепляешься за каждое слово.

— Потому что твои слова сегодня оказались единственными, что у меня есть.

Он сжал челюсть. И этот жест, я знала очень хорошо. Только прежде он никогда не казался мне таким чужим.

— Ты очень не хочешь говорить о том, что рассказывал ей про наш брак, — сказала я.

— Потому что я уже сказал.

— Нет. Ты дал мне несколько безопасных слов: «сложности», «ссоры», «отдалились». Но я всё ещё не понимаю, как из этого Кирилл получил бывшую жену.

— Потому что Кирилл мог сам много чего додумать.

— Допустим.

— И Алевтина могла что-то понять по-своему.

Я замерла.

Не специально.

Просто что-то в этой фразе наконец встало на место.

Павел понял это почти одновременно со мной. На его лице мелькнуло раздражение, такое короткое, направленное не на меня, а на самого себя.

— Могла? — тихо переспросила я.

— Я не это имел в виду.

— А что?

— Просто… люди иногда слышат не то, что им говорят.

— Особенно когда им говорят, что жена «официально ещё жена».

— Инна…

Он резко поднялся из-за стола и подошёл к окну. Я смотрела ему в спину. Сколько раз видела эту спину утром, когда он застёгивал рубашку. В ванной перед зеркалом. На пляже. В нашей спальне. На кухне, когда он стоял у плиты и уверял, что умеет готовить омлет лучше меня.

И совершенно некстати подумала… сколько раз он вот так

стоял у чужого окна?

Мысль была глупой. Я даже не знала, бывал ли он у Алевтины дома. Но воздух вдруг перестал проходить в лёгкие. Пришлось заставить себя опустить взгляд на стол и медленно вдохнуть.

— Ты специально ловишь каждое моё слово, — произнёс Павел, не оборачиваясь.

— Нет, Паша. Просто раньше у меня не было причины этого делать.

Он повернулся, и на секунду мы встретились глазами.

— Я хочу всё объяснить.

— Тогда объясняй.

— Ты же не даёшь.

Вот теперь я посмотрела на часы, потом снова на него.

— Мы сидим здесь почти сорок минут. Я никуда не ухожу. Телефон не беру. Не кричу. Не перебиваю тебя половину времени только потому, что пытаюсь понять происходящее. Я здесь, Паша. Объясняй.

Он молчал.

Я ждала.

Пять секунд.

Потом ещё несколько.

Никакого объяснения не последовало.

И в какой-то момент я просто потянулась к чашке. Чай успел остыть, на поверхности плавала тонкая тёмная плёнка.

Я уже собиралась сделать глоток, когда Павел неожиданно

спросил:

— Ты хочешь поговорить с ней?

Рука с чашкой остановилась на полпути.

— С Алевтиной?

— Да.

Я поставила чашку обратно.

— Почему ты спрашиваешь?

— Просто спрашиваю.

Нет.

Не просто.

Я уже достаточно услышала его сегодня, чтобы почувствовать разницу.

— Наверное, хочу.

Павел мгновенно выпрямился.

— Не надо.

И вот теперь передо мной наконец появился настоящий Павел. Не тот осторожный мужчина, который весь вечер подбирал слова. Не раздражённый муж, которому не нравились мои вопросы. Даже не человек, пойманный на измене.

Он испугался.

Не сильно. Не так, чтобы это можно было показать пальцем и сказать: вот, смотри.

Но я знала его восемнадцать лет.

— Почему?

— Потому что из этого ничего хорошего не выйдет.

— Для кого?

— Для всех.

— Каким образом?

Павел вернулся к столу, но не сел.

— Вы начнёте выяснять отношения. Обвинять друг друга. Зачем тебе это?

Я нахмурилась.

— Почему я должна её обвинять? — он замолчал, и я продолжила, — Она спит с моим мужем.

На этих словах, всё-таки голос предал меня. Совсем немного дрогнул на слове «моим». Я ненавидела эту дрожь. Будто после всего услышанного всё ещё пыталась доказать кому-то свои права на мужчину напротив.

— Она знает, что мы официально женаты, — договорила я уже ровнее. — Но я до сих пор понятия не имею, что именно ты рассказал ей обо мне и о нас. Поэтому мне кажется вполне логичным однажды услышать её версию.

— Она тебе ничего не должна.

Я замерла. Не от самих слов. От того, как быстро они прозвучали. Без обычной паузы, без осторожности, почти рефлекторно. Так защищают человека раньше, чем успевают подумать.

— Я и не говорила, что она мне должна.

Павел провёл ладонью по затылку и прошёлся по кухне. Два шага к холодильнику, обратно.

— Просто оставь её в покое.

И вот тогда что-то внутри меня сдвинулось. Не разби-

лось… для этого я, наверное, была слишком уставшей. Просто встало на своё место.

Я смотрела на мужа и впервые за весь этот бесконечный вечер совершенно ясно видела, что происходит.

Он защищал её.

До этого он объяснял себя, оправдывался, уходил от ответов, пытался сохранить хотя бы остатки привычного порядка. Но сейчас речь зашла об Алевтине, и он перестал осторожничать.

Павел защищал другую женщину.

От меня.

— Любовницу моего мужа? — переспросила я, не сумев скрыть изумления.

Павел резко повернулся ко мне. Взгляд мгновенно стал жёстким, почти злым.

— Не называй её так.

Тишина после этих слов была почти физической. Я не сразу поняла, что именно произошло, а потом увидела его лицо.

Павел уже понял.

Понял раньше, чем я успела что-либо сказать. По тому, как напряглись плечи, как на секунду дёрнулась щека, как он отвёл взгляд. Вернуть эти слова обратно было невозможно.

Я медленно поставила чашку на стол. Фарфор тихо стукнул о поверхность.

— Как?

— Что?

— Как мне её называть?

— Я имел в виду…

— Ты сказал: «Не называй её так». Как — так?

Он выдохнул.

— Любовницей.

Теперь слово прозвучало гораздо тише. Я смотрела на него и чувствовала странную, почти болезненную ясность. Передо мной стоял мужчина, который сегодня признался, что изменяет мне. Мужчина, который сорок минут рассказывал о наших «сложностях», «ссорах» и «отдалении». Который ни разу не возмутился, когда наш восемнадцатилетний брак превращался в какую-то неудобную официальность.

Но стоило мне назвать Алевтину любовницей, и он отреагировал мгновенно.

Даже голос повысил.

— А кем мне её называть, Паша?

Он снова замолчал. И я снова просто ждала, даже не знаю зачем. Наверное, потому что какой-то совершенно безумной части меня хотелось услышать определение.

«Женщина, которую я люблю»?

«Моя женщина»?

Просто «Алевтина»?

Каждый вариант причинял боль уже одним своим существованием.

Но Павел не выбрал ни одного. И его молчание оказалось красноречивее любого ответа.

— Понятно, — произнесла я скорее себе, чем ему.

— Что тебе понятно? — раздражённо спросил он.

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Ничего. И это, пожалуй, единственное, в чём я сейчас уверена.

— Инна, не придумывай больше, чем есть.

Ещё утром эта фраза заставила бы меня остановиться. Я бы начала объяснять, что ничего не придумываю. Возможно, даже засомневалась бы в себе: вдруг действительно накрутила? Вдруг слишком эмоционально отреагировала?

Восемнадцать лет рядом с человеком делают его мнение частью твоей внутренней системы координат.

Но сегодня эта система перестала работать.

— Я больше ничего не придумываю.

— Тогда что ты собираешься делать?

Я посмотрела на него.

Вот оно.

Вопрос, который действительно его волновал.

Не «как ты?».

Не «что я с тобой сделал?».

Не «можешь ли ты меня простить?».

Даже не «есть ли у нас шанс?».

Что ты собираешься делать?

Я встала, взяла чашку и подошла к раковине. Вылила остывший чай. Вода на несколько секунд стала тёмной, а потом всё исчезло в сливе.

— Сегодня — ничего.

— В смысле?

Я сполоснула чашку и поставила её на сушилку.

— В прямом.

— И всё?

Вытерев пальцы полотенцем, я повернулась.

— А чего ты ждал?

Он не ответил. Наверное, сам не знал.

Я прошла мимо него в прихожую. Телефон лежал в сумке. Достала его только затем, чтобы посмотреть время. До возвращения Полины оставалось чуть больше часа.

Всего час, а потом нам снова придётся стать мамой и папой.

Эта мысль ударила неожиданно. Сколько раз мы уже становились мамой и папой после того, как он возвращался от неё?

Я стиснула телефон и заставила себя остановиться.

Нет!

Не сейчас.

Если позволить этим картинкам появиться, я начну представлять всё: где они встречались, как он к ней прикасался, что говорил, куда потом ехал.

А мне нужно было дожить хотя бы до возвращения дочери.

— Инна.

Я обернулась.

Павел стоял в дверях кухни, положив руку на косяк. Такой знакомый, домашний. Мой…

И одновременно совершенно чужой.

Восемнадцать лет я знала этого человека. Засыпала рядом, просыпалась, болела, ссорилась, мирилась, родила от него дочь. Видела его молодым, злым, счастливым, пьяным, испуганным, уставшим.

А сейчас смотрела на незнакомца, у которого почему-то было лицо моего мужа.

— Ты точно больше ничего не хочешь спросить?

Я даже удивилась этому вопросу. Ещё час назад вопросов было столько, что мне казалось, я не остановлюсь до утра.

Когда это началось?

Где вы встречаетесь?

Кто сделал первый шаг?

Ты её любишь?

Вы спите вместе?

Она бывала в нашей машине?

Ты возил её в места, куда раньше возил меня?

Что говорил ей после секса?

Возвращался потом домой и ложился рядом со мной?

Целовал меня теми же губами?

Каждый следующий вопрос был хуже предыдущего.

И все они были во мне. Но я вдруг поняла, что больше не хочу задавать ни одного. Потому что всё действительно важное за этот вечер я узнала не благодаря Павлу.

О его второй жизни мне рассказал Кирилл.

То, что отношения продолжаются сейчас, я поняла из Павловой паузы раньше, чем он решился ответить.

Алевтину на похоронах нашла сама… просто вспомнила женщину, стоявшую рядом с моим мужем.

Другую версию нашего брака вытащила из его оговорок. И даже то, насколько эта женщина ему важна, Павел не смог сказать мне прямо.

Он выдал себя четырьмя словами.

«Не называй её так».

Я смотрела на него и вдруг поняла ещё кое-что.

Он мог продолжать этот разговор хоть до утра. Дозировать правду. Подбирать безопасные формулировки. Решать, что мне позволено узнать сегодня, а что можно оставить на завтра.

Но я больше не хотела получать собственную жизнь порциями из его рук.

— Нет, — тихо сказала я. — На сегодня хватит.

Павел не пошевелился. Несколько секунд просто смотрел на меня, и что-то в его лице постепенно изменилось. Будто только сейчас до него дошло, что я действительно больше не собираюсь спрашивать. Не потому, что поверила. Не потому, что успокоилась.

Просто мне больше не нужны были его ответы.

И, кажется, именно этого он от меня не ожидал.

Ещё утром мне казалось, что я знаю Павла лучше всех.

Теперь, глядя на человека, с которым прожила восемнадцать лет, я впервые подумала совсем о другом.

Сколько ещё о моём муже знают другие люди, и не знаю я?

Глава 4

Утром Павел ушёл раньше меня. Я проснулась от воды в ванной, потом услышала, как открылся шкаф в прихожей. Обычно он собирался более шумно: что-нибудь искал, возвращался за телефоном, спрашивал, не видела ли я ключи, которые через минуту обнаруживались у него же в кармане.

Сегодня всё происходило почти бесшумно. В спальню он даже не вошёл. Через несколько минут хлопнула входная дверь.

Полина завтракала на кухне, листая что-то в телефоне.

— Папа уже ушёл?

— Да.

Она подняла голову:

— Странно. Даже ничего мне не сказал.

Я пожала плечами и достала молоко:

— Торопился, наверное.

— Вы вчера поговорили? — дочь спросила вроде небрежно, но телефон уже отложила.

— Поговорили.

— И?

— Пока ничего тебе не скажу.

Полина поморщилась.

— Звучит хуже, чем «всё нормально».

Я поставила пакет на стол.

— Знаю.

Хотелось сказать ей, что всё будет хорошо. Что мы с папой разберёмся и её это не коснётся. Но я и сама не знала, что теперь будет хорошо, поэтому промолчала. А через полчаса мы разошлись: Полина в школу, я на работу.

Уже в машине пришло сообщение от Павла.

«Сегодня буду поздно. Работа».

Раньше я бы ответила что-нибудь вроде «купи хлеб» или «не забудь позвонить Полине».

Сегодня просто убрала телефон.

До обеда работа помогала не думать. Были счета, два письма от поставщиков, спор из-за накладной. Люди вокруг говорили о сроках, цифрах, доставке, и я цеплялась за эту обычную жизнь, как за возможность хотя бы несколько часов не разбираться со своей.

Телефон зазвонил, когда я стояла у принтера. Номер был незнакомый.

— Да?

— Инна Викторовна?

Голос показался знакомым.

— Да.

— Это Кирилл. Мы вчера на похоронах разговаривали.

Я забрала распечатанные листы и ушла в маленькую переговорную.

— Да, Кирилл.

— Я хотел извиниться.

— Вы уже вчера извинялись.

— Знаю. Просто потом весь вечер думал. Я правда не хотел ничего вам испортить.

Я устало присела.

— У нас проблемы не из-за вас.

На другом конце стало тихо.

— Просто дядя Паша написал. Сказал, что всё это теперь из-за моей болтовни.

Я закрыла глаза и тихо выдохнула:

— Кирилл, вы сказали то, что считали правдой.

— Да.

— Тогда вам не за что извиняться.

— Хорошо.

Он уже собирался прощаться, но я остановила:

— Кирилл.

— Да?

— Почему вы были уверены, что мы с Павлом давно разошлись?

Он тяжело вздохнул.

— Инна Викторовна, я правда не хочу лезть.

— Я понимаю. Просто хочу знать, почему вы так думали.

— Да я особо и не думал, — признался он после паузы. — Видел дядю Пашу с Алевтиной и был уверен, что они вместе.

— Вместе, это как?

Кирилл замялся.

— Ну… как муж и жена. Обычная пара.

Пальцы замерли на бумагах.

— Почему?

— Потому что так и выглядело. Когда дядя Паша был в Новосельске, он оставался у неё. Они вместе приезжали к родне, вместе уходили. Я не вдавался в подробности. Честно говоря, мне даже в голову не приходило, что тут есть о чём спрашивать.

Я молчала, лишь в голове пульсировала фраза:

Как муж и жена.

Кирилл не собирал сплетни, не интересовался чужими отношениями. Он просто видел их, и всё для него было очевидно.

— Давно? — еще тише спросила я.

— Не знаю. Правда. Я даты не запоминал.

— Хорошо.

— Простите.

— Не надо.

Я провела ладонью по столу.

— Спасибо, что сказали.

— Лучше бы я вообще вчера рот не открывал.

— Нет.

— Почему?

Я посмотрела на распечатанные листы перед собой.

— Потому что тогда я бы ничего не знала.

Мы попрощались. Я вернулась к столу, открыла письмо и поняла, что уже третий раз читаю одну и ту же строку. Через

полчаса написала начальнице, что плохо себя чувствую.

Домой ехала медленно, точнее осторожно, потому что мыслями была где-то далеко. Но добралась без приключений и каких-либо происшествии в дороге.

Павла не было. Я зашла в спальню и остановилась возле шкафа. На секунду захотелось открыть его и начать считать рубашки, джинсы, бельё. Посмотреть, чего не хватает.

Не стала.

Но взгляд всё равно упал на серые домашние тапки возле кровати. И совершенно некстати подумалось:

А у Алевтины есть его тапки?

Я невольно усмехнулась.

Господи.

Тапки?!

Может, нет.

Может, он там босиком ходит.

Я вышла из спальни. На кухне достала телефон и открыла переписку с Павлом. Сначала листала без системы.

«Купи хлеб».

«Полину забери в семь».

«Задержусь».

«Новосельск завтра».

Палец остановился. Я открыла поиск и ввела одно слово: «Новосельск».

Первое сообщение оказалось восьмимесячной давности.

«Сегодня там заночую. Встреча в восемь утра».

Мой ответ:

«Хорошо. Позвони Полине».

А дальше:

«Поздно закончил, не хочу ехать ночью. Останусь здесь».

Я тогда написала:

«Правильно. Только поешь нормально».

Ещё одно:

«Завтра Новосельск. Скорее всего с ночёвкой».

И моё:

«Тёплую кофту не забудь, там похолодание».

Я замерла на мгновение.

Этот вечер я поему-то хорошо помнила.

Павел тогда собирался наспех, разговаривал по телефону и ворчал, что зарядка опять куда-то делась. Я открыла шкаф и достала серую толстовку.

— Возьми.

— Зачем?

— Утром плюс восемь обещают.

— Мамочка.

— Замёрзнешь — не ной.

Он усмехнулся, сунул толстовку в сумку и, уходя, поцеловал меня.

А я ещё поправила ему воротник.

Я смотрела на собственное сообщение.

«Тёплую кофту не забудь».

Получается, я сама собирала мужа к другой женщине. Заботилась, чтобы он там не замёрз. В горле мгновенно сжалось, и я положила телефон на стол, закрыла глаза на секунду. Передо мной почему-то снова стоял тот вечер. Павел у двери. Его сумка. Моя рука на его воротнике.

И серый рукав толстовки, торчащий из сумки.

Через минуту я снова взяла телефон. Мне нужно было знать, когда это началось.

Год назад было сообщение:

«Завтра Новосельск. Могу поздно вернуться».

Ещё ниже:

«Останусь там, с утра встреча».

Почти два года назад:

«Завтра с утра Новосельск. Вернусь в субботу».

Я смотрела на дату и не могла вспомнить этот день. Наверное, он собрал сумку. Наверное, я спросила, когда его ждать. Может быть, тоже поцеловала перед уходом. Для меня это была просто очередная командировка мужа.

Я доверяла ему, поэтому и не помнила.

Пролистала дальше.

Ещё одна поездка.

И ещё.

«Останусь».

«Не жди».

«Вернусь завтра».

Я открыла кухонный ящик, достала блокнот и ручку. Переписала первую дату, потом вторую, третью.

Зачем? Пока еще сама это не понимала…

Остановилась и перед глазами снова возник Павел с той серой толстовкой в сумке. Я ведь не знала, сколько из этих поездок были действительно рабочими. Не знала, когда Алевтина появилась в них. И как давно мой муж возвращался из командировки не только ко мне.

Я перевернула страницу.

И продолжила листать.

Глава 5

Сначала мне казалось, что ничего сложного не будет.

Переписка с Павлом сохранилась за несколько лет. Календарь в телефоне тоже. Фотографии автоматически раскладывались по датам. Я думала, достаточно посмотреть, когда он ездил в Новосельск, и хотя бы примерно понять, сколько времени другая жизнь моего мужа существовала рядом с нашей.

Через сорок минут передо мной лежал исписанный лист, а понимания стало только меньше. Потому что работа действительно была.

Вот командировка, которую я хорошо помнила: Павел присылал фотографию со склада и жаловался, что они второй час ждут какую-то машину.

Вот встреча с партнёрами, после которой он привёз домой папку документов и полночи сидел с ней на кухне.

Вот поездка, когда вернулся поздно вечером, уставший и злой, а я разогревала ему ужин.

А между ними были другие сообщения.

«Останусь до утра».

«Завтра ещё одна встреча».

«Не хочу ехать ночью».

Раньше я читала их и видела только одно: муж задерживается по работе.

Теперь за каждым стояла дверь чужой квартиры, которую Павел мог открыть своим ключом. И самое мерзкое заключалось в том, что я всё равно не могла понять, когда он говорил мне правду.

Возможно, в тот день действительно работал до ночи. А потом ехал к ней. Возможно, утром действительно была встреча. Только просыпался он перед ней не в гостинице.

Я отложила ручку.

Вот и всё.

Можно просидеть так до утра. Можно выписать каждую поездку за несколько лет, поднять фотографии, календарь, банковские операции, вспомнить праздники и выходные. Только правды от этого больше не станет.

Потому что все эти годы я ничего не проверяла. Я верила мужу. И теперь именно моя вера мешала мне восстановить собственную жизнь.

На часах было почти семь. Из комнаты Полины доносилась музыка. Иногда дочь начинала подпевать, сбивалась, замолкала, потом снова включалась в припев.

На кухонном столе лежал мой блокнот.

Я посмотрела на него и вдруг захлопнула. Не хотела, чтобы Полина увидела. Не потому, что там было что-то страшное. Всего-то несколько дат, названия городов, пара вопросительных знаков. Но мне самой стало жутко от того, во что я превращаюсь.

Ещё несколько дней назад я знала, где мой муж. Теперь

составляла таблицу его лжи.

В половине восьмого в замке повернулся ключ.

Я услышала, как Павел вошёл, снял куртку, поставил обувь. Потом шаги приблизились к кухне. Он остановился в дверях. Сначала посмотрел на меня, потом на блокнот.

— Что делаешь?

— Пытаюсь вспомнить последние несколько лет.

Лицо у него изменилось едва заметно, но теперь я замечала.

— И как?

— Плохо.

Павел прошёл на кухню.

— Инна...

— Не надо.

Он остановился.

— Я ещё ничего не сказал.

— Вот именно поэтому и не надо. Я сегодня уже поняла, что бесполезно искать дату в телефоне.

— Какую дату?

Я подняла на него глаза.

— Ту, которую ты сам мне не называешь.

Он отвёл взгляд. Этого оказалось достаточно.

Не для ответа.

Для понимания, что ответа сегодня всё равно не будет.

Раньше я бы продолжила. Спросила ещё раз, потом иначе. Попыталась поймать на противоречии, заставить дого-

ворить, объяснить, почему мне необходимо знать. А сейчас вдруг не захотелось. Видимо просто устала, не от вопросов даже, а от ощущения, что за каждым ответом приходится идти следом и проверять, весь ли он.

— Мам! — крикнула Полина из комнаты. — Папа пришёл?

— Пришёл.

Через несколько секунд она появилась на кухне.

— Пап, ты есть будешь?

Павел посмотрел на меня.

Я не знала, зачем. Наверное, по привычке. Ужин всегда был моей территорией: что приготовлено, где лежит, что разогреть.

— В холодильнике котлеты, — сказала я Полине.

— Я не себе. Я уже ела.

— Тогда пусть папа сам решает.

Полина перевела взгляд с меня на него.

— Опять?

— Что опять? — спросил Павел.

— Вот это ваше.

— Какое?

Она неопределённо махнула рукой между нами.

— Когда вы вроде не ругаетесь, но лучше бы ругались.

Мне стало почти смешно.

Почти.

— Иди к себе, Поль.

— Я и так у себя.

— Вот и прекрасно.

— Очень гостеприимно.

Она уже развернулась, но возле двери остановилась.

— Пап, котлеты на нижней полке.

— Спасибо.

— Мам, тебе чай сделать?

Я посмотрела на неё.

— Нет, солнышко.

— Ладно.

Полина ушла, а Павел ещё несколько секунд смотрел ей вслед.

— Она всё чувствует.

— Конечно.

— Надо как-то...

Я подняла глаза.

— Что?

Он замолчал. Наверное, сам понял, насколько бессмысленно сейчас прозвучит любое «вести себя нормально».

Нормально уже не получалось.

Павел открыл холодильник, достал контейнер с котлетами и поставил на стол. Я смотрела, как он берёт тарелку. Всё выглядело, как обычный вечер. Муж пришёл с работы. Дочь сидит в своей комнате. На кухне ужин.

Если убрать мой блокнот со стола, никто бы не догадался, что с нашей семьёй что-то произошло.

И вдруг меня пронзила мысль.

А сколько таких вечеров было у неё?

Не романтических встреч, не гостиниц, не тайных свиданий.

Именно вечеров.

Когда Павел открывал дверь своим ключом. Снимал куртку. Спрашивал, что есть поесть. Оставлял в ванной бритву.

Одним словом, жил.

Я встала так резко, что ножка стула скрипнула по полу и Павел обернулся.

— Ты куда?

— Никуда.

Подошла к окну и открыла форточку. С улицы потянуло прохладой.

— Кирилл сказал, что ты у неё как дома.

Павел ничего не ответил. Я и не ждала.

— Знаешь, что самое страшное?

— Инн...

— Я не могу понять, где заканчивается моя жизнь и начинается та.

Он поставил контейнер обратно на стол.

— У тебя не было другой жизни.

Я обернулась. Несколько секунд просто смотрела на него.

— Правда?

Павел нахмурился.

— Я не это имел в виду.

— А что?

— У нас с тобой была жизнь. Настоящая. Семья. Полина. Дом. Всё это никуда не делось.

Вот тут мне стало больно, потому что он был прав. Именно поэтому всё происходящее и было таким невыносимым. Если бы наш брак давно умер, если бы мы спали в разных комнатах, ненавидели друг друга, годами жили соседями, мне сейчас было бы за что ухватиться.

Но мы жили.

Смеялись, ругались, мирились, спали в одной постели, строили планы, я гладила ему рубашки…

Он покупал мне лекарства, когда я болела. Мы обсуждали Полину, отпуск, ремонт в ванной и новую стиральную машину.

Это было настоящим.

И Алевтина тоже была настоящей.

Одновременно.

— Я знаю, что наша жизнь была, — тихо сказала я. — Мне теперь интересно другое. Кем я была в твоей второй.

Павел побледнел, совсем немного, но я увидела.

— Инна...

— Не отвечай.

Он замолчал.

— Правда, не надо. Потому что я всё равно не поверю первому ответу.

— И что мне тогда делать?

В его голосе впервые прозвучала растерянность, а я лишь пожала плечами.

— Не знаю, Паш. Я вообще сейчас очень многого не знаю.

Вернулась к столу и взяла блокнот.

— Например, кто ещё знал.

Павел напрягся.

— О чём?

Я даже усмехнулась.

— Вот это сейчас было особенно хорошо.

— Я просто спросил.

— Конечно.

Я сунула блокнот в ящик.

— Гена знал?

Павел отвёл взгляд, что мгновенно стало ясно. И от этого стало особенно мерзко.

Гена.

Человек, которого мы похоронили несколько дней назад.

Человек, сидевший за нашим столом.

Поднимавший бокал на нашу годовщину.

Шутивший про нашу семейную жизнь.

Друг Павла.

Мой друг тоже, как я почему-то считала.

— Насколько? — спросила я.

— Инна, не надо сейчас про Гену.

— Почему?

— Потому что его только похоронили.

Я хотела возразить, уже открыла рот и не смогла.

Перед глазами вдруг появилась Света возле гроба. Её пальцы на моей руке. Лицо, на котором за один день будто прибавилось десять лет.

Нет.

Сейчас действительно не надо.

По крайней мере, не так.

— Хорошо.

Павел словно выдохнул. Я заметила это и отвернулась.

— На сегодня всё.

— Инна...

— Я сказала всё.

Он ещё постоял, потом молча убрал котлеты обратно в холодильник. Есть так и не стал. А я больше не открывала ни переписку, ни фотографии. Впервые за весь день поняла простую вещь: прошлое невозможно восстановить по сообщениям человека, который тебе лгал.

Мне нужен был не календарь. Мне нужны были люди, которые видели Павла тогда, когда меня рядом не было. И от этой мысли стало не легче.

Наоборот.

Потому что я вдруг представила, сколько таких людей может оказаться.

***

Утром я собиралась на работу, когда увидела пропущен-

ный звонок от Светы и перезвонила сразу же. Она ответила после второго гудка.

— Инн, привет, — ее голос был усталым и чуть глухим.

— Свет, ты как?

— Да никак пока. Разбираю всё понемногу. Тут бумаги, сервис, страховка... Я вообще половины не понимаю. Роман говорит, часть документов надо забрать у бухгалтера.

— Давай я после работы приеду.

— Если можешь.

— Конечно могу.

Я уже собиралась попрощаться, когда Света вдруг сказала:

— И Пашу сегодня не зови, ладно?

Рука с ключами замерла.

— Куда?

— Ко мне.

— А почему я должна его звать?

На том конце повисла короткая пауза.

— Да я просто... — Света тяжело вздохнула. — Генин телефон вчера разбирала.

У меня внутри что-то дрогнуло.

— И?

— Там переписки. Их много. Мужская ерунда всякая. Рыбалки, поездки...

Она замолчала.

Слишком надолго.

— Свет.

— Что?

— Что ты нашла?

— Не знаю ещё.

— В смысле?

— В прямом. Я не хочу сейчас по телефону. И сама ещё не всё понимаю.

Я медленно опустилась на пуф в прихожей.

— Это про Павла?

Света снова замолчала. И на этот раз ответа мне не понадобилось.

— Приезжай после работы, — тихо сказала она. — Хорошо?

— Хорошо.

Мы попрощались, а я ещё несколько секунд сидела с телефоном в руке. Потом вспомнила одну старую поездку.

Рыбалка.

Павел тогда не отвечал, и я звонила Гене. До сих пор помнила, где стояла: на кухне возле окна, одной рукой держала телефон, другой помешивала что-то на плите.

— Ген, Паша рядом?

— К машине отошёл.

— Скажи, пусть перезвонит.

— Скажу.

Совершенно обычный разговор. Я даже не задумалась, потому что звонила другу мужа. Потому что Гене я тоже верила.

Я медленно положила телефон в сумку.

Вчера мне хотелось узнать, знал ли Гена…

Кажется, сегодня я получу ответ.

Глава 6

К Свете я приехала после работы. По дороге зашла в магазин за хлебом и молоком, а вышла почему-то ещё с двумя пакетами яблок. Уже возле кассы посмотрела на них и подумала, что совершенно не представляю, нужны ли Свете яблоки, тем более столько. Только возвращать уже не стала. Наверное, просто не знала, с чем ещё приходят в дом, где несколько дней назад похоронили человека.

Дверь открыл Роман. Я узнала его сразу и всё равно невольно задержалась на пороге, вспомнив нашу стычку на похоронах.

Неприятный тип.

Внезапно возникла мысль, и всё же поприветствовала его.

— Добрый вечер.

— Здравствуйте. Проходите, Света на кухне, — ответил Роман, как ни в чем ни бывало.

Он отступил, пропуская меня, и больше ничего не сказал. Ни намёка на тот разговор, ни натянутой любезности, которой обычно пытаются прикрыть взаимную неприязнь.

В прихожей стояли две коробки с папками, а возле стены лежал пакет с инструментами.

— Из сервиса привёз, — пояснил Роман, заметив мой взгляд. — Света решила сегодня со всем разобраться.

— Правильно решила, — поспешила я с ответом чуть

смутившись за своё любопытство.

Не преднамеренное!

Подчеркнула я про себя, но не стала его озвучивать. Нет никакого желания вновь с ним пререкаться.

Своих проблем валом!

Уголок его рта чуть дрогнул.

— Я пытался объяснить, что мир не рухнет, если счета полежат до понедельника.

— Не помогло?

Роман молча посмотрел в сторону кухни, и я всё поняла.

Света сидела за столом перед тремя стопками документов. Волосы были кое-как собраны на затылке, рядом стояла кружка с давно остывшим чаем. Увидев меня, она сразу поднялась.

— Инн.

Я поставила пакеты на пол и обняла её. Света прижалась крепче, чем обычно, замерла на несколько секунд, уткнувшись лицом мне в плечо, а потом первой отстранилась.

— Ты зачем продукты притащила?

— Не знаю. Вдруг у тебя яблоки закончились, — ляпнула что пришло в голову и слегка усмехнулась.

Она заглянула в пакет и посмотрела на меня.

— Все сразу? — удивлённо разинула рот Света.

— Я нервничала, — покачала я головой и махнула рукой.

Света тихо хмыкнула:

— Тогда ладно.

Роман принёс ещё одну папку и положил на край стола.

— Здесь договоры по аренде и страховые. Нужное пометил.

Света посмотрела на торчащие из папки разноцветные бумажки.

— Ром, если ты ещё хоть один стикер куда-нибудь прилепишь, я тебя самого ими заклею.

— Учту, — серьёзно ответил мужчина, а Света недовольно буркнула на него:

— И не разговаривай со мной как с психической.

Он спорить не стал. Забрал её холодный чай и поставил чайник.

— Вот видишь? — проводив его взглядом, сказала Света.

— Что?

— Терпит меня. Нормальный человек уже давно сбежал бы.

Из коридора тут же донеслось:

— Я всё слышу.

На лице Светы впервые появилась почти настоящая улыбка.

— Вот и отлично.

Я тоже улыбнулась. Хорошо, что Роман был здесь. Не потому, что Свете требовалась нянька или кто-то должен был следить, поела ли она и выпила ли чай. Просто после похорон эта квартира вдруг стала слишком большой для одного человека.

Когда Роман ушёл в комнату, Света снова села.

— Как ты?

Осторожно спросила я, накрыв её ладонь своей. Она пожала плечами и некоторое время рассматривала собственные руки.

— Не знаю. Вчера вроде нормально держалась. А сегодня утром открыла шкаф, увидела Генину старую куртку и минут двадцать просидела с ней на кровати. Нюхала её, представляешь? Как идиотка.

Последнее слово она произнесла сердито, будто злилась на себя за то, что всё ещё любит человека, которого уже нет.

— Ты не идиотка.

— Спасибо, доктор, — шмыгнула она носом и отвела взгляд.

Печально вздохнув, Света потянула к себе одну из папок, но тут же отодвинула.

— Знаешь, что самое смешное? Я всю жизнь ругалась, что Гена ничего не выбрасывает. Старые телефоны, чеки, коробочки от каких-то деталей... Всё грозилась однажды дождаться, пока его не будет дома, взять большой пакет и половину выкинуть.

На краю стола лежал телефон в потёртом чёрном чехле. Я посмотрела на него и сразу вспомнила вчерашний звонок Светы.

Она заметила мой взгляд.

— Вот этот вчера зарядила. Хотела контакты посмотреть,

потому что по сервису некоторые люди только у него были записаны, — Света замолчала, провела пальцем по краю телефона. — И нашла вашу рыбалку.

У меня сразу похолодели ладони.

— Свет...

— Я сначала вообще не поняла, что читаю. Потом вспомнила, что ты рассказывала о его вечных командировках. Да и вообще.

Она разблокировала телефон, нашла переписку с Павлом и положила его передо мной.

— Посмотри.

Я не притронулась.

— Может, не надо тебе сейчас этим заниматься?

— Я уже прочитала, Инн, — как-то виновато вдруг опустила она глаза, что и сама не заметила, как ответ вылетел раньше, чем успела подумать:

— Тем более.

Света подняла на меня глаза и так посмотрела, что не выдержала этот взгляд и отвела в сторону тяжело вздыхая.

Как ни странно, мне очень хотелось взять в руки телефон. Не из праздного любопытства. Но я держала себя в руках.

— Не уверена, что это нужно мне, — тихо выдохнула Света, — А тебе надо.

Спорить с ней было бессмысленно, и тогда я взяла телефон.

Переписка начиналась совершенно обыденно. Фотогра-

фии машин, какие-то ссылки на снасти, адреса, короткие сообщения, понятные, наверное, только им двоим. Света показала нужное место.

Павел написал:

«Если Инна наберёт, скажи, что я с тобой. Телефон почти сел».

Гена ответил:

«А если спросит, почему ты трубку не берёшь?»

И следом Павел:

«Скажи, к машине отошёл».

Я смотрела на эти слова и вдруг услышала их. Не увидела на экране, именно услышала. Голос Гены. Спокойный, привычный, чуть насмешливый. И вместе с ним вернулся тот вечер.

Я была у мамы. Кажется, стояла возле окна, а Полина что-то спрашивала из комнаты. Павел не отвечал уже минут сорок, и я набрала Гену.

— Ген, Паша рядом?

— К машине отошёл.

Ни паузы не было в эту секунду, ни заминки. А потом он ещё засмеялся:

— Ты его даже на рыбалке контролируешь?

Тогда я фыркнула:

— Да нужен он мне. Скажи, пусть перезвонит.

И всё.

Я положила трубку и через минуту уже думала о чём-то другом. Потому что звонила не чужому человеку.

Гене.

Человеку, которого знала столько лет, с которым сидела за одним столом, спорила, смеялась, отмечала праздники. Мне даже в голову не пришло спросить себя, зачем ему мне врать.

Я вернула телефон на стол.

— Это тот звонок.

— Помнишь?

— Теперь помню.

Света молча пролистала чуть ниже.

Через какое-то время после нашего разговора Гена написал Павлу:

«Паш, ты меня в это больше не втягивай. Разбирайся сам».

Павел ответил:

«Ладно. Спасибо».

А ещё через несколько минут:

«С меня коньяк».

Гена прислал в ответ неприличный смайлик, и дальше они снова обсуждали машину, словно ничего не произошло.

Я долго смотрела на экран.

Наверное, мне было бы легче увидеть там что-нибудь откровенно мерзкое. Шутки обо мне, советы Павлу, как удобнее соврать, имя Алевтины. Тогда всё стало бы просто: один предавал, другой помогал.

Но Гена написал совсем другое.

«Ты меня в это больше не втягивай».

Значит, не хотел. Значит, понимал, что делает что-то не то. И всё равно сделал.

Когда Павлу понадобилось, чтобы друг соврал его жене, Гена соврал. А я в тот момент даже не знала, что кто-то вообще выбирает между дружбой с Павлом и честностью со мной.

— Я сначала решила, что у Паши какие-то проблемы по работе, — тихо сказала Света. — Что он где-то, где тебе не хотел говорить. А потом вспомнила похороны. Кирилла. Вас в коридоре... И ещё Паша вчера Роману звонил.

— Павел звонил Роману?

— Да. Спрашивал, как я. Мне сейчас почти никто дозвониться не может, я половину звонков сбрасываю.

Она замолчала, но теперь смотрела уже не на телефон, а на меня.

Я знала этот взгляд. Света складывала то немногое, что у неё было, и получившаяся картина ей совсем не нравилась.

— Инн, я чего-то не знаю?

Я отвела глаза. Меньше всего мне хотелось говорить ей об этом сейчас. Она всего несколько дней назад похоронила мужа, ещё держала по утрам его куртку, потому что ткань сохранила запах. И именно я должна была объяснить ей, ради чего Гена в тот вечер врал.

— Свет...

Она побледнела.

— Паша тебе изменял?

Ответить я не успела, потому что Света всё поняла сама.

— Господи...

Она откинулась на спинку стула и прикрыла рот ладонью.

— Когда ты узнала?

— На похоронах, — совсем тихо выдохнула я снова опуская глаза.

— Тогда Кирилл про неё говорил?

Я кивнула, а Света медленно перевела взгляд на телефон.

— Значит, Гена знал.

— Я не знаю, сколько именно он знал. Но достаточно, чтобы тогда соврать мне.

— Какая разница, сколько? — в её голосе появилась злость. — Он соврал.

Я ничего не ответила. Света резко встала и подошла к окну.

— Мне он ничего не говорил.

— Я верю тебе.

— А если это было не один раз, Инн? Если он постоянно его прикрывал?

— Мы этого не знаем.

— Но один раз знаем точно.

Она повернулась ко мне. Глаза уже блестели, но Света словно из принципа не позволяла себе заплакать.

— Я ведь тебя знаю. Мы за одним столом сидели, празд-

ники вместе отмечали. Он разговаривал с тобой, смеялся, приезжал в гости... А потом Паша просит, и Гена врёт тебе в трубку.

— Свет, не надо сейчас брать на себя ещё и это.

— А когда надо? — она обхватила себя руками и отвернулась. — Я тут разбираю его бумаги, звоню в сервис, выясняю, где страховка, кому какие документы отдать. Утром сижу с его чёртовой курткой, потому что она ещё пахнет им... А теперь узнаю, что он помогал Пашке скрывать другую женщину.

Последние слова она произнесла с трудом. Я подошла ближе и попыталась обнять её, но Света отстранилась, закрыв лицо руками.

— Мы знаем только об одном случае, — осторожно произнесла я, не понимая зачем ищу оправдание там, где оно уже не требуется.

— Мне и одного хватает, — выпалила Света вытирая щёку ладонью и вдруг зло усмехнулась. — Я бы ему сейчас голову оторвала.

Мне нечего было сказать. Она судорожно вдохнула, а потом совсем другим голосом добавила:

— А потом обняла бы… наверное.

И вот тут у меня самой защипало в глазах.

— И вот это бесит больше всего, — прошептала она.

Я обняла её, она не сопротивлялась в этот раз. Сначала стояла напряжённо, потом всё-таки прижалась ко мне и за-

плакала — тихо, без рыданий, только плечи время от времени вздрагивали.

Наверное, Роман услышал. Через минуту он появился в дверях кухни и остановился, посмотрел на Свету:

— Что случилось?

— Ничего.

Он не ушёл. Света вытерла лицо ладонями и кивнула на телефон.

— Гена врал Инне, представляешь! Прикрывал Пашу. Тот где-то шлялся, а мой муж рассказывал Инне, что Пашка к машине отошёл.

Роман нахмурился, но с расспросами не полез. Просто подошёл, отодвинул стул и сел рядом.

— Не смотри на меня, — пробормотала Света.

Он послушно отвернулся.

— И не сиди как памятник, — снова недовольно пробурчала она, на что тот спокойно ответил:

— Могу уйти.

— Уйди! — бросила она, отворачиваясь к окну.

Роман поднялся. Света тут же повернулась и вскинула на него мокрые глаза.

— Ты куда?

Он остановился и посмотрел на неё с таким терпением, что я не выдержала и фыркнула.

Света повернулась ко мне:

— Тебе смешно?

— Чуть-чуть, — с трудом ответила я сдерживая улыбку.

Несколько секунд она пыталась сердиться, а потом сама всхлипнула со смехом.

— Садись уже, — буркнула она Роману.

И тот сел обратно, молча, и больше ничего не говорил. Просто подвинул к ней стакан воды.

Так мы просидели несколько минут, без утешений и правильных слов. Иногда человеку, наверное, нужно не чтобы его боль срочно объяснили, а чтобы рядом просто кто-то был.

Когда Света немного успокоилась, Роман ушёл в комнату. Она ещё некоторое время сидела молча, потом снова взяла Генин телефон.

— Там есть ещё одно сообщение.

— Свет...

— Я не собираюсь читать всё подряд. Просто покажу тебе то, что вчера заметила.

Она быстро нашла нужное место.

Павел писал:

«Гена, если что, я завтра в Новосельске до вечера».

Гена ответил:

«Ты опять за своё?»

Паша ответил:

«Не начинай».

И почти сразу был ответ Гены:

«Я и не начинаю. Заканчивать тебе пора».

Я задержалась на последней строчке. В отличие от первой переписки, здесь не было ни моего имени, ни просьбы соврать. Не было даже Алевтины. Только два человека, которые явно понимали друг друга без объяснений.

— Думаешь, это про неё? — спросила Света.

— Не знаю.

И впервые за последние дни мне не захотелось превращать предположение в факт.

Сообщение было старым, но его дата ничего не доказывала. Я не знала, что именно Павел должен был «заканчивать», как давно Гена был в курсе и насколько много ему рассказывали. Зато теперь понимала другое: что бы между ними ни происходило, Гене это не нравилось.

Он не подталкивал Павла и, судя по этим словам, не одобрял его. Возможно, сам убеждал себя, что это не его семья и не его право вмешиваться. Что взрослые люди однажды разберутся сами, а дружба не даёт ему права лезть в чужой брак. Только для меня результат от этих почти порядочных объяснений не менялся.

Гена видел достаточно, чтобы сказать другу: «Заканчивать тебе пора».

И промолчал передо мной.

— Ты на него злишься? — спросила Света.

Я посмотрела на неё и не стала врать.

— Да.

Она опустила глаза.

— Я тоже.

Вот теперь стало по-настоящему больно.

Я могла злиться на Гену сколько угодно. А Свете со своей злостью предстояло вернуться в спальню, где в шкафу всё ещё висела его куртка. Она уже никогда не спросит, почему он так поступил. Не услышит объяснений, не накричит, не хлопнет дверью, не заставит его признать, что он был неправ.

Я накрыла её ладонь своей.

— Давай уберём телефон.

— А если там ещё что-то есть?

— Наверняка есть. Они много лет дружили.

— И ты не хочешь знать?

Конечно, хотела.

Ещё как!

Какая-то часть меня была готова просидеть здесь до утра, выискивая своё имя, Новосельск, Павла, любые намёки на Алевтину. После нескольких дней неизвестности возможность получить хоть какие-то ответы затягивала почти физически.

Но я уже понимала, во что это превратится.

Мы начнём читать обычную переписку двух друзей и вставлять Алевтину в каждую недоговорённость. Любая поездка покажется подозрительной, любая фраза будет намёком. А Гена уже никогда не сможет объяснить, что имел в виду.

— Хочу, — призналась я. — Но не так.

Света долго смотрела на меня, потом кивнула и убрала телефон в ящик. Больше мы его не доставали.

Почти час занимались бумагами по сервису. Света путала папки, злилась, начинала сначала. Я раскладывала договоры и счета и в конце концов вынуждена была признать, что Роман со своими стикерами оказался прав.

Когда я собралась домой, Света задержала меня в прихожей.

— Инн...

Я обернулась. Она стояла, теребя пальцами край рукава.

— Прости за Гену.

— Даже не начинай.

— Я понимаю, что не виновата. Головой понимаю, а всё равно такое чувство, будто должна была что-то заметить. Остановить его.

— Как?

Она растерянно посмотрела на меня.

— Не знаю.

— Вот и я не знаю, Свет. Уже несколько дней перебираю в голове всё, что делал Павел, и думаю, где должна была заметить. Только чтобы остановить что-то, сначала надо хотя бы знать, что оно происходит.

Она несколько секунд смотрела на меня, потом шагнула вперёд и обняла.

— Береги себя, ладно?

— И ты, — прошептала я крепче сжимая подругу в ответ.

На улице уже стемнело, когда я вышла от Светы. Села в машину, положила сумку на соседнее сиденье и просто смотрела в пустоту. Двигатель заводить не стала, дала себе несколько минут, чтобы отойти от того, что только что узнала. Но вместо этого в памяти вновь и вновь возникали смутные воспоминания частых командировок Паши. Его редкое нахождение дома, различные завалы по работе.

Очень уж он занятой был в последние годы…

Перед глазами снова возник экран Гениного телефона.

«Скажи, к машине отошёл».

И другая фраза:

«Заканчивать тебе пора».

Я всегда считала Гену хорошим человеком. И, наверное, он им и был. Любил Свету, дружил с Павлом, работал, помогал, смеялся за нашим столом. Один поступок не перечёркивал целого человека… особенно теперь, когда спросить его самого уже невозможно.

Но хорошим людям тоже случается поступать… нехорошо.

В тот вечер Гена выбрал не вмешиваться в жизнь друга и заодно помог ему соврать мне. Возможно, ему казалось, что он просто не предаёт Павла. А получилось, что ради этого пришлось предать моё доверие.

Я сидела в темноте и думала, сколько вообще людей могут годами находиться рядом и видеть совершенно разные версии одной семьи.

Кирилл ведь тоже ничего специально не выяснял. Никто не посвящал его в подробности моего брака и не рассказывал о разводе. Он просто видел Павла рядом с Алевтиной. Видел достаточно часто и достаточно естественно, чтобы считать их парой и не задавать вопросов.

Вот это не давало мне покоя.

Павел умел объяснять мне Новосельск работой. Гене, похоже, вообще ничего особенно объяснять не приходилось.

А что происходило с другой стороны?

Что говорили там, когда кто-нибудь спрашивал обо мне?

Кем Павел сделал меня в той, второй жизни — женой, с которой давно всё кончено, формальностью в паспорте, матерью Полины?

И главное, во что из этого верила сама Алевтина?

Я наконец завела машину.

До этого вечера мне всё время хотелось понять, сколько лгал Павел. Теперь впервые захотелось узнать другое.

Что Алевтина знала обо мне?

Глава 7

После Светы я почти не спала. Ворочалась, несколько раз вставала попить воды, возвращалась в постель и слушала ровное дыхание Павла рядом.

Телефон лежал на тумбочке. Раньше я бы потянулась к нему, снова открыла переписку, начала искать Новосельск, командировки, даты. Теперь не хотелось.

Сколько можно собирать Павла по чужим словам?

К утру я поняла, что больше не хочу спрашивать о нём ни Кирилла, ни Свету, ни тем более искать ответы в телефоне мёртвого Гены. Оставался человек, с которым Павел проживал ту часть жизни, о которой я ничего не знала.

Алевтина.

Утром мы почти не разговаривали. Полина опаздывала, металась между комнатой и прихожей, искала серую толстовку, которую сама же вчера бросила на кресло. Павел пил кофе и в третий раз напоминал ей взять зонт.

— Пап, я услышала с первого раза.

— Судя по тому, что зонт до сих пор здесь, не услышала.

— Я его не хочу.

— Дождь спросит твоего разрешения.

— Мам!

— Меня не втягивай. Я на стороне дождя.

Полина посмотрела на нас обоих с выражением челове-

ка, которому достались особенно тяжёлые родители, схватила зонт и вылетела за дверь.

— Вечером скажет спасибо, — заметил Павел.

— Не скажет.

— Но подумает.

Я посмотрела на него. Обычный Павел, всё тот же, родной, домашний. В старой футболке, с чашкой в руке. Через пять минут он полезет в шкаф за рубашкой, спросит, где чистые носки, хотя они лежат там же последние лет десять, поцелует меня перед уходом.

Так и случилось.

Только сегодня, когда его губы коснулись моей щеки, я не смогла сделать вид, что ничего не почувствовала.

Почувствовала, к сожалению. И от этого было ещё хуже.

На работе я продержалась до обеда. Потом вышла в коридор, нашла последний звонок Кирилла и нажала вызов.

— Инна Викторовна?

— Здравствуйте. У меня к вам просьба.

Он насторожился сразу.

— Какая?

— У вас есть номер Алевтины?

Кирилл помолчал.

— Есть.

— Пришлите мне, пожалуйста.

Снова короткая пауза, затем он осторожно спросил:

— Вы хотите ей позвонить?

— Пока не знаю.

— Инна Викторовна…

Он выдержал многозначительную паузу, а я ждала.

— Я уже жалею, что вообще тогда рот открыл, — признался он.

Я невольно усмехнулась.

— Поздно.

— Вот и я об этом, — расстроенно вздохнул Кирилл. — Ладно, сейчас пришлю. Только меня, пожалуйста, не упоминайте.

— Не буду.

— Я серьёзно.

— Кирилл, я тоже.

После этого он сдался. И номер пришёл через минуту. Я сохранила его под именем «Алевтина» и несколько секунд смотрела на экран.

Позвонить оказалось сложнее, чем попросить номер.

Я вернулась в кабинет. До конца рабочего дня Алевтина несколько раз появлялась у меня на экране. Не сама, конечно, это я открывала контакты, смотрела на имя и закрывала. Один раз даже нажала на значок вызова и тут же сбросила, пока не пошли гудки.

Глупость какая-то.

Я ведь хотела этого разговора. Просто совершенно не представляла, как его начинают.

«Здравствуйте, я жена мужчины, с которым вы спите»?

«Расскажите, пожалуйста, давно ли мой муж живёт у вас»?

Или еще чего похлеще…

Можно было ещё раз поговорить с Павлом. Спросить прямо, потребовать рассказать всё от начала до конца.

Только я уже спрашивала. И каждый ответ приходилось вытаскивать из него отдельно.

Домой я приехала около семи. Павел был на кухне. Полина сидела за столом, подперев щёку рукой, и наблюдала, как он возится с курицей.

— Мам, папа опять пересолил.

Павел обернулся от плиты.

— Я её ещё вообще не солил.

— Значит, ты просто излучаешь соль.

— Очень смешно.

— Спасибо, я старалась.

Я сняла пальто и устало произнесла, не желая вмешиваться в их пререкания:

— А я на всякий случай поставлю воду.

— Вот и готовь после этого на семью, — проворчал Павел и Полина засмеялась.

За ужином она рассказывала про контрольную по истории и возмущалась, что учительница потребовала ответ на две страницы.

— Две страницы, как так?! Это же не ответ, это уже мемуары, — заявила она.

— Напишешь три, точно издадим, — сказал Павел.

— Пап! — капризно надув губки возмутилась дочь.

— С предисловием классного руководителя, — подмигнул он ей.

И на секунду всё стало настолько привычным, что я почти поверила, что ничего не произошло. Обычный вечер, Полина спорит с отцом, Павел её дразнит, я сижу рядом.

Только мне в этом обычном вечере места уже не находилось.

— Мам, скажи ему.

— Я сегодня никого не воспитываю, — ответила я на автомате не задумываясь.

Павел подвинул ко мне салат, я передала ему хлеб. Всё происходило само собой. Никто не думал, кому что подать, кто уберёт тарелки, где лежат салфетки. Мы слишком долго жили вместе, чтобы замечать такие вещи. Именно поэтому мне всё труднее было понять, что он рассказывал обо всём этом Алевтине.

После ужина Полина ушла к себе, а Павел начал загружать посуду в машину.

— Ты сегодня тихая.

— Устала.

— На работе что-то?

— Нет.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Тогда что?

Я не сразу ответила. Ещё неделю назад такой вопрос ничего бы не значил. Муж заметил, что со мной что-то не так, и спросил. Теперь я гадала, действительно ли он беспокоится или пытается понять, что мне уже известно.

— Просто день тяжёлый.

Павел подошёл ближе.

— Инн…

— Не надо.

Он остановился. На лице мелькнуло что-то неприятное, почти болезненное, но я уже не могла утешать его за последствия того, что сделал он сам.

— Хорошо, — тихо сказал Павел.

Я ушла в спальню, села на край кровати и достала телефон. Имя Алевтины нашлось сразу. На этот раз я не стала звонить, просто открыла сообщения и написала:

«Здравствуйте. Это Инна Сазонова».

Посмотрела и стёрла. Получилось так, будто я собиралась обсудить с ней договор или предложить новую работу.

Попробовала ещё раз.

«Здравствуйте, Алевтина. Меня зовут Инна Сазонова. Я хотела бы с вами встретиться».

Тоже не нравилось.

Но хорошего способа написать любовнице собственного мужа я всё равно не знала, поэтому оставила к

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.